

ДИАНА ГЭБЛДОН

Барабаны осени

Книга 2
Загадки прошлого

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Диана Гэблдон
Барабаны осени. Книга
2. Загадки прошлого
Серия «Чужестранка», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19532309
Гэблдон, Диана. Барабаны осени. Книга 2. Загадки прошлого:
Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-89492-5

Аннотация

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, – завоевала сердца миллионов читателей во всем мире.

Брианна отправляется в прошлое вслед за матерью, чтобы разыскать отца, которого никогда не видела. Но счастливую встречу с родителями омрачает ужасная новость. Ее возлюбленный Роджер, который тайно последовал за ней в прошлое, попал в плен. Ради спасения любимого Брианна готова на все, но времени у нее остается все меньше: неожиданно она узнает, что беременна, а значит, необходимо спешить обратно в будущее.

Содержание

Часть восьмая	5
Глава 30	5
Глава 31	19
Глава 32	30
Глава 33	37
Глава 34	48
Глава 35	102
Глава 36	117
Глава 37	133
Глава 38	147
Глава 39	166
Часть девятая	177
Глава 40	177
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Диана Гэблдон

Барабаны осени. Книга

2. Загадки прошлого

Diana Gabaldon
drums oF autumn

Copyright © 1997 by Diana Gabaldon

© Бабурова Г.Ю., Парахневич Е.В., перевод на
русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Часть восьмая

Веаусоур¹

Глава 30

Как в воду канул

Оксфорд, апрель 1971 года

– Нет, – решительно заявил Роджер. Прижимая к уху телефонную трубку, он повернулся к окну, за которым хмурилось унылое серое небо. – Не могу. Я ведь говорил, на следующей неделе еду в Шотландию.

– Родж, ну пожалуйста, – упрашивала Дин. – Это как раз по тебе. К тому же твои планы не слишком сдвинутся, в этом же месяце попадешь в Шотландию и сможешь охотиться там на оленей, сколько пожелаешь. И вообще, ты мне сказал, что твоя девушка приедет только в июле.

Роджер скрипнул зубами, как всегда, когда Дин отпускала шпильки в адрес шотландцев, и открыл было рот, чтобы ответить «нет», но не успел.

¹ Веаусоур (*фр.*) – многие.

– К тому же это американцы, а у тебя отлично получается с ними ладить... – Фыркнув, она добавила: – Например, обсуждать девчонок.

– Послушай, Эдвина, у меня есть планы на отпуск. В них не входят экскурсии по лондонским музеям.

– Нет-нет, – заверила она, – мы нашли сопровождающих для экскурсий и заплатили им, тебе нужно будет заниматься только самой конференцией.

– Да, но...

– Мы хорошо заплатим, Родж, – мурлыкнула Дин, бросая на чашу весов последний, самый серьезный довод. – Я же сказала, это американцы. Ты понимаешь.

Дин выдержала паузу, чтобы Роджер смог осознать, сколь внушительную сумму заработает всего лишь за неделю, сопровождая группу американских студентов, куратор которых неожиданно заболел. По сравнению с его обычной зарплатой сумма просто астрономическая!

– О... – Роджер сам почувствовал, что колеблется.

– Я слышала, ты намерен жениться этим летом? Ну, так закажешь для гостей побольше телячьего рубца.

– Эдвина, кто-нибудь говорил тебе, что ты коварная искусительница?

– Никто, – хмыкнула она и деловитым тоном продолжила: – Увидимся в понедельник и обсудим.

Она повесила трубку.

Может, затея и неплохая, уныло подумал Роджер. Если

честно, деньги не слишком его волновали, но конференция поможет отвлечься от грустных мыслей. Он взял смятое письмо, что лежало у телефона, и разгладил его; глаза, по-настоящему не вчитываясь, побежали по абзацам, содержащим слова извинений.

Ей очень жаль, писала Брианна. Она получила приглашение на конференцию в Шри-Ланке (о господи, американцы разъезжают по конференциям все лето!), там будет возможность завязать полезные знакомства, пройти собеседование (собеседование, боже правый, – она никогда не вернется, он так и знал!). Ужасно жаль. Увидимся в сентябре. Я напишу. С любовью.

– Ну да, конечно!.. С любовью.

Роджер снова скомкал письмо и бросил его на комод. Комок бумаги отскочил от уголка серебряной рамки, в которой стояла фотография, и упал на ковер.

– Неужели нельзя сказать прямо: мол, встретила человека!..

Он схватил фотографию в серебряной рамке, желая то разбить ее вдребезги, то прижать к сердцу. Раздираемый противоречивыми чувствами, постоял, глядя на нее, и аккуратно поставил на место.

– Прости, – сказал он, – таков уж я.

Май 1971 года

Роджер вернулся в колледж в последний день конференции – усталый и сытый американцами по горло. У стойки портье стояла адресованная ему посылка – пять деревянных ящиков с международной маркировкой.

– Что это? – спросил Роджер, одной рукой принимая расписку в получении у курьера, а другой нашаривая в кармане несколько монеток дать на чай.

– Откуда я знаю, – огрызнулся курьер, утирая пот со лба. Он только что вошел со двора, со стуком взгромоздив последний из ящиков на остальные. – Тебе видней, приятель.

Роджер подтолкнул верхнюю коробку: в ней не книги, а свинец. От толчка ящик немного сдвинулся, и показался конверт, приклеенный снизу. Роджер оторвал конверт и распечатал его.

«Однажды твой отец сказал мне, что у всего должна быть своя история, – гласила записка внутри. – Это моя. Сохранишь ее вместе со своей?» Ни приветствия, ни подписи. Только заглавная буква «Б» в углу, написанная угловатым почерком.

С минуту Роджер смотрел на лист бумаги, затем свернул его и вложил обратно в конверт, который спрятал в карман рубашки. Присев, он приподнял верхний ящик. Боже, до чего тяжелый, фунтов шестьдесят, не меньше!

Обливаясь потом, Роджер затащил ящик к себе домой и прошел в крошечную спальню. Порывшись в столе, достал отвертку и, прихватив бутылку пива, вернулся в гостиную. *«Сохранишь ее вместе со своей?»* Разве девушка отправит все свое добро парню, с которым намерена порвать?

Внутри ящика, набитого мягкой стружкой, обнаружился второй. Открыв его, Роджер нашел внутри множество коробок и свертков. Он вытащил наугад коробку из-под обуви и заглянул внутрь. Фотографии – старые, с завернутыми углами, и новые, глянцевые и цветные. На большом студийном снимке была запечатлена Клэр Рэндалл такой, какой Роджер видел ее в последний раз – ласковый взгляд янтарных глаз из-под копны темно-каштановых кудрей, легкая улыбка на пухлых нежных губах. Он бросил снимок обратно в коробку, чувствуя себя убийцей.

В одном из газетных свертков оказалась набитая соломой кукла по имени Реггеди Энн, героиня одноименной рисованной истории. Краски с лица почти стерлись, остались только пришитые глаза-пуговицы, глядевшие хмуро и с угрозой. Платье на кукле было порвано, затем аккуратно заштопано, тряпичное тело чисто выстирано, но на нем все же остались неотмывшиеся пятна.

Маска Микки Мауса, через дырочки возле ушей до сих пор протянута тонкая розовая резинка. Дешевенькая музыкальная шкатулка, игравшая при открывании *«Где-то над радугой»*. Потертая плюшевая собака. Вылинявшая красная

толстовка мужского кроя размера «М» – наверняка принадлежала Фрэнку. Поношенный шелковый халат шоколадного цвета... Повинуясь порыву, Роджер прижал его к лицу. Запах Клэр. Перед глазами возник четкий образ, вызванный слабым ароматом мускуса и свежей зелени, и он в смятении потянул за галстук, чтобы ослабить петлю.

Среди пустяков нашлись и довольно ценные вещи: ящик был таким тяжелым, потому что на самом дне лежали три плоские коробки, в которые упаковали три обеденных сервиза из серебра, обернув каждый из предметов мягкой тканью. В каждой коробке лежал листок с отпечатанным текстом, содержащим краткую справку о происхождении серебра.

На французском сервизе с витыми краями стояло клеймо «DG»; приобретен Уильямом С. Рэндаллом в 1842 году. Старинный английский сервиз времен короля Георга III; приобретен Эдвардом К. Рэндаллом в 1776 году. Сервиз работы Чарльза Бойтона; приобретен Квентином Ламбертом Бичем в подарок к бракосочетанию Фрэнклина Рэндалла и Клэр Бичем в 1903 году. Семейное серебро.

С возрастающим удивлением Роджер вынимал предмет за предметом и аккуратно складывал их на полу рядом с ящиком. Ценности и безделушки, заключавшие в себе историю Брианны Рэндалл.

Затем в голове Роджера мелькнула тревожная мысль, и он схватил крышку, желая проверить адрес на наклейке. Оксфорд. Да, она отправила их именно сюда. Но почему, ведь

она полагала, что он пробудет в Шотландии все лето? Он бы уехал, если бы в последнюю минуту не согласился участвовать в конференции.

В углу ящика обнаружилась шкатулка для драгоценностей. Внутри лежали несколько колец, броши и сережки. Был там и дымчатый топаз, который он подарил ей на день рождения. Цепочки и ожерелья. Не хватало двух вещей.

Серебряного браслета, который он тоже дарил ей, и жемчуга, принадлежавшего ее бабушке.

– Боже милосердный!

Он вытряхнул все из шкатулки и заново перебрал украшения. Ожерелье из жемчужин, обрамленных старинным золотом, пропало.

Взять его с собой на конференцию в Шри-Ланку она не могла. Брианна вообще редко его надевала. Ожерелье было единственной связью с...

– Ты ведь не сделала этого! – воскликнул Роджер. – Боже, скажи мне, что нет!

Он положил шкатулку на кровать и бросился вниз по лестнице к телефону.

Пришлось ждать целую вечность, пока соединяли с оператором международных звонков. В трубке раздалось потрескивание, и вот наконец пошли гудки. Один, второй... Щелчок, кто-то снял трубку. Сердце Роджера радостно ухнуло. Она дома!

– Приносим свои извинения, – произнес в трубку прият-

ный бездушный женский голос, – номер отключен от сети или не обслуживается.

Господи, она ведь не могла! Или могла?.. Да, могла, черт возьми! Чем она только думала, идиотка!

Роджер беспокойно барабанил пальцами по бедру. Он закурил, слушая треск в трубке, пока устанавливалось соединение с номером по ту сторону океана. Ему пришлось столкнуться с бесконечным множеством секретарей-тугодумов и с их любезными просьбами подождать, пока в трубке не раздался нужный голос:

– Джозеф Эбернети.

– Доктор Эбернети? Это Роджер Уэйкфилд. Вы знаете, где Брианна?

– С вами. Разве нет? – удивленно переспросил голос.

Роджер похолодел и сдвинул трубку, словно пытаясь выжать из нее желанный ответ.

– Нет. – Он изо всех сил старался сохранить спокойствие. – Она собиралась приехать осенью, когда получит степень и съездит на какую-то конференцию.

– Не может быть. Она сдала работу в конце апреля – я приглашал ее на ужин, чтобы отпраздновать, – и сказала, что не станет дожидаться официальной церемонии и поедет в Шотландию. Погодите, дайте подумать... Да, мой сын Ленни отвозил ее в аэропорт! Когда же это было?.. Точно, во вторник, двадцать седьмого. Хотите сказать, она не добралась? – за-

волновался доктор Эбернети.

– Не знаю, добралась она или нет. – Роджер сжал свободную руку в кулак. – Она не сказала мне, что приедет. – Он замолчал и перевел дыхание. – А куда она полетела? В какой город? В Лондон? Или в Эдинбург?

Конечно, может быть, ей захотелось сделать сюрприз и нагрянуть неожиданно. Но вряд ли Брианна решила так поступить.

В голове промелькнули сцены похищения, затем терактов, учиненных ирландскими республиканцами. Все что угодно могло случиться с девушкой, которая отправилась в большой город совсем одна. И это «все что угодно» было бы лучше, чем то, что произошло на самом деле, как подсказывало Роджеру нутро. Чертова баба!

– В Инвернесс, – раздался в трубке голос доктора Эбернети. – Из Бостона в Эдинбург, а затем на поезде в Инвернесс.

– О, господи! – Одновременно и упрек, и молитва. Если она вылетела из Бостона во вторник, значит, до Инвернесса добралась в четверг. А в пятницу было тридцатое апреля – канун Белтайна, древнего праздника костров, когда шотландцы разводят костры на вершинах холмов, как символ очищения и плодородия. В этот день, возможно, откроется магический портал на вершине холма Крейг-на-Дун.

Эбернети взволнованно бубнил в трубку, что-то спрашивая. Роджер попытался сосредоточиться.

– Нет, – с трудом проговорил он. – Я не знал. Я еще в

Оксфорде.

Воцарилось звенящее молчание, наполненное ужасом. Роджер глубоко вдохнул – каждый вдох давался ему с трудом – и перехватил трубку другой рукой, вытерев о брюки вспотевшую ладонь.

– Доктор Эбернети, возможно, Брианна последовала за своей матерью, Клэр. Скажите, вы знаете, где она?

– Ох, – нехотя произнес доктор Эбернети, – боюсь, что нет. Точно не знаю.

Точно не знает... Отличный способ увильнуть от ответа.

– Хорошо, спрошу так: вы когда-нибудь слышали о Джейми Фрейзере? – осторожно поинтересовался Роджер.

Трубка накалилась от неловкого молчания, затем Джозеф Эбернети испустил стон.

– Пресвятые угодники! – выдохнул он. – Она сделала это.

«Вы поступили бы иначе?»

Вот что сказал ему Джо Эбернети после долгого разговора, и этот вопрос пульсировал у Роджера в висках, пока он вел машину на север, в пелене дождя едва замечая дорожные знаки, что проносились мимо.

«Вы поступили бы иначе?»

– На ее месте я поступил бы так же, – сказал доктор Эбернети. – Если бы вы ничего не знали о своем отце, – и вдруг случайно выяснили, где он находится... Разве вам не захотелось бы встретиться? Лично мне было бы очень любопытно.

– Вы не понимаете, – ответил Роджер, растерянно утирая лоб, – это не та ситуация, когда приемная дочь узнала имя настоящего отца и тут же бросилась за порог.

– А мне кажется, именно та. Бри удочерили, верно? По-моему, она отправилась бы в путь гораздо раньше, если бы не чувствовала, что это несправедливо по отношению к Фрэнку.

Роджер покачал головой, совсем забыв, что доктор Эбернети его не видит.

– Одно дело, «броситься за порог». И совсем другое – путь в прошлое... Бри рассказывала вам, как прошла его Клэр?

– Рассказывала, – подтвердил Джо с иронией. – По ее словам, это не совсем то, что пройти через вращающуюся дверь.

– Мягко говоря.

От воспоминания о каменном круге на Крейг-на-Дун Роджера бросило в холодный пот.

– Мягко говоря? То есть вам известно, как это происходит? – поинтересовался доктор Эбернети.

– Известно, черт возьми! – рявкнул Роджер. Он перевел дыхание. – Простите. Слушайте, мне трудно объяснить... Те камни... Не каждый их слышит. Клэр слышала. Бри тоже. И я. И для нас...

Клэр прошла через круг на Крейг-на-Дун два с половиной года тому назад в первый день ноября на Самайн – древний праздник костров. Роджера бросило в дрожь.

– То есть пройти через круг может не всякий? А вы мо-

жете? – спросил Эбернети с любопытством, и, кажется, в его голосе слышалась зависть.

– Не знаю. – Роджер пригладил волосы. – Наверное, могу. Дело в том... – начал он, пытаясь совладать с голосом, а вместе с ним и со страхом, – дело в том, что если она даже пройдет через камень, нельзя предугадать, где и когда она окажется.

– Понимаю. – Голос американца утратил оживление. – Выходит, вы понятия не имеете, куда попала Клэр...

Роджер снова покачал головой, ясно представив перед собой Джо Эбернети. Доктор Эбернети, крупный чернокожий мужчина с густыми короткими волосами, носил очки в тонкой золотой оправе и излучал надежность и уверенность; в его присутствии сразу становилось спокойно. Как ни странно, это ощущение передавалось даже по телефону, и Роджер был более чем благодарен ему за это.

– Нет. – Нужно заканчивать. Не может он обсуждать подобные вещи по телефону с почти незнакомым человеком. – В то время появлялось не очень-то много заметок о простых женщинах, если только с ними не происходило чего-нибудь необычного – например, их сжигали на костре, как ведьм, или вешали за убийство. Или убивали.

Доктор Эбернети невесело усмехнулся.

– По крайней мере однажды ей это удалось. Она прошла через круг и вернулась обратно.

– Так и есть. – Роджер попытался найти утешение в этом

факте, но в то же время в уме проносились тысячи других вероятностей. — К сожалению, мы не знаем, удалось ли это Брианне. Даже если она прошла через камень и осталась жива... Вы хоть представляете, до чего опасное время это было? Восемнадцатый век!

— Тем не менее Клэр справилась.

— Она осталась в живых, — согласился Роджер. — Но это вовсе не походило на увеселительную прогулку. Она сказала, что ей повезло.

По крайней мере, однажды.

Джозеф Эбернети издал нервный смешок.

— Что ж, значит, Брианна ушла. Полагаю, вы правильно догадались, куда именно. Думаю, что я на ее месте поступил бы так же. А вы?

«А вы?»

Роджер обогнул грузовик со светящимися фарами, продолжая поездку в тумане. «Я на ее месте поступил бы так же», — звучал у него в ушах уверенный голос Эбернети.

«Инвернесс, 30» — гласил придорожный указатель. Роджер повернул руль крохотного «Морриса», шины скрипнули по мокрому асфальту. По дороге барабанил дождь, у обочины земля размокла, превратившись в слякоть.

«А вы?» Роджер потрогал нагрудный карман на рубашке, где хранил маленькую фотографию Брианны. И медальон матери, который в последний момент захватил с собой на удачу.

– Наверное, я тоже, – пробормотал он, уставясь в лобовое стекло, по которому скребли дворники. – Но я обязательно предупредил бы тебя, что собираюсь пройти сквозь камень. Ради бога, почему ты мне не сказала?

Глава 31

Возвращение в Инвернесс

В коридоре висел запах мебельной полироли, воска для пола и свежей краски. И все же этот насыщенный запах – результат хозяйственного рвения Фионы – не мог затмить умопомрачительных ароматов, идущих с кухни.

– А вы говорите, «Домой возврата нет», мистер Вулф, – усмехнулся Роджер, глубоко вздохнул и поставил чемодан на пол. Конечно, хозяева сменились, но, даже превратись старый дом в пансион для постояльцев, привычный дух был неистребим.

Фиона встретила его очень тепло, Эрни проявил чуть меньше энтузиазма. Тем не менее Роджера поселили в его прежнюю комнату под самой крышей, и он тут же погрузился в расследование. Это было несложно; шотландцы всегда проявляли любопытство по отношению к приезжим, поэтому высокая рыжеволосая девушка должна была привлечь внимание местных жителей.

Она прибыла в Инвернесс из Эдинбурга, – ее видели на вокзале. Также Роджер знал, что высокая рыжеволосая девушка взяла такси и попросила водителя отвезти ее в деревню. Водитель затруднялся определить, где именно она вышла; она просто остановила его по дороге: «Спасибо, это здесь».

– Она сказала, что собирается с друзьями в поход, – пожал плечами водитель. – С рюкзаком, и одета была, как для похода. Погода паршивая, но вы же знаете, до чего упрямы эти американские туристы.

Что ж, Роджер прекрасно знал, до чего упряма именно эта американская туристка. Черт возьми ее рыжую упертую голову, если она решилась, то почему не сказала?! «Потому что не хотела, чтобы ты знал, вот почему!» Ему было неприятно думать, отчего так произошло.

Итак, удалось выяснить, куда она отправилась; для того, чтобы последовать за ней, оставался единственный выход.

Клэр настаивала, что портал открывался в дни праздников солнца или огня. Похоже, это на самом деле было так – в первый раз она прошла через него на Белтайн, первого мая, второй на Самайн, первого ноября. А теперь Брианна последовала за матерью снова на Белтайн.

Однако Роджер не собирался ждать до ноября – одному богу известно, что может произойти за пять месяцев! Белтайн и Самайн – праздники огня, а между ними был еще праздник солнца.

Через четыре недели, двадцатого июня, наступит праздник летнего солнцестояния. При мысли о том, что все же придется ждать, Роджер стиснул зубы. Тем не менее, если он, как верный рыцарь, попытается пройти через портал теперь и погибнет, Брианне это не поможет. Роджер не обманывал себя насчет природы каменного круга, он все видел и слы-

шал.

Потихоньку он начал готовиться. А по вечерам, когда с реки спускался туман, пытался отвлечься от тяжелых дум: играл в шашки с Фионой, ходил в паб с Эрни или в качестве последнего средства шел в гараж и разбирал старые коробки.

Гараж, похоже, заколдовали – коробок почему-то становилось все больше, они плодились с невероятной скоростью; каждый раз, когда он открывал дверь, их все прибывало. Скорее всего, его вынесут вперед ногами прежде, чем он закончит разбирать отцовские вещи, подумал Роджер. И все же нудная работа отвлекала его от тягостных мыслей, не позволяла раскиснуть. Он даже иногда спал ночами.

– У тебя на столе фотография... – Фиона не смотрела на него, уставившись на тарелки, которые мыла.

– Их там много. – Роджер осторожно отхлебнул чай: крепкий, свежий и необжигающий. – Подарить тебе какую-нибудь? Там есть снимки твоей бабушки, можешь взять, только оставь мне один.

Фиона удивилась.

– Бабушка? Спасибо, папе будет приятно на них взглянуть. Но я имела в виду большую.

– Большую? – Роджер напряженно шевелил мозгами, пытаясь понять, что она имеет в виду. Большинство черно-белых фотографий были маленькими, снятыми на старый фотоаппарат фирмы «Брауни», который принадлежал его пре-

подобию, но имелось и несколько снимков большего формата, снятых в студии, – на одном были запечатлены его родители, на другом бабушка его преподобия, облаченная в бомбазин и похожая в нем на птеродактиля: снимок сделали по случаю столетия пожилой леди. Вряд ли Фиона имела в виду именно ее.

– С той женщиной, что сначала убила мужа, а потом уехала.

– С той, что... А! – Роджер сделал еще глоток чая. – Ты имеешь в виду Джиллиан Эдгарс?

– С той, – упрямо повторила Фиона. – Зачем тебе ее фото? Роджер отставил чашку, взял утреннюю газету и ответил, стараясь, чтобы голос звучал спокойно:

– Кто-то дал.

– Кто?

Сестра всегда была настойчива, но редко действовала напрямик. Что ее так взволновало?

– Миссис Рэндалл, супруга доктора Рэндалла. А что? Фиона не ответила, только поджала губы.

Тем временем Роджер потерял к газете всякий интерес и отложил ее в сторону.

– Ты знала Джиллиан Эдгарс?

Фиона попыталась увильнуть от ответа.

– Джойси сказала, ты поднимался на Крейг-на-Дун. Ее Альберт видел тебя в четверг, когда проезжал мимо.

– Да, поднимался. А что, это запрещено?

– Плохое место. Как все каменные круги. И не надо говорить, что ты полез туда, чтобы полюбоваться видом.

– Я и не говорю.

Роджер откинулся на спинку стула, наблюдая за сестрой. Ее темные кудрявые волосы были взъерошены, она все время трепала их, когда нервничала, а сейчас она, несомненно, нервничала.

– Ты ее знаешь. Точно, Клэр говорила.

Искра любопытства, которая вспыхнула, когда он упомянул о Джиллиан Эдгарс, разгорелась.

– Как я могу ее знать, если она мертва. – Фиона схватила из подставки пустую яичную скорлупу, внимательно разглядывая трещинки. – Разве не так?

Роджер подошел к ней и накрыл рукой ее ладонь.

– А разве так?

– Говорят, что мертва. Полиция не нашла ни единого следа. – В ее устах слово прозвучало как «полисия» из-за мягкого шотландского акцента.

– Может, они не там искали?

Вся краска тут же схлынула с круглого румяного лица сестры. Роджер сжал ей руку сильнее, потому что Фиона попыталась освободиться. Господи, она что-то знала.

– Расскажи мне, Фиона, – попросил Роджер, – пожалуйста, расскажи. Что ты знаешь о Джиллиан Эдгарс и о камнях?

Фиона освободила руку, но не ушла, осталась стоять, кру-

тя яичную скорлупу вверх и вниз, словно переворачивала песочные часы. Роджер поднялся со стула, и она, всполошившись, отпрянула.

– Предлагаю сделку. Ты мне расскажешь, что тебе известно, а я расскажу, почему миссис Рэндалл дала мне фотографию и зачем я поднимался на Крейг-на-Дун.

– Надо подумать.

Фиона поспешно нагнулась, подхватила поднос с грязной посудой и выскользнула прочь, прежде чем Роджер успел ее остановить.

Он медленно сел. Завтрак был превосходный – Фиона вообще отлично готовила, – но вся еда вдруг стала в желудке холодным, словно кусок мрамора, недвижимым комом.

Не стоит так переживать. Конечно, он взволнован. Ему интересно, что могла знать Фиона о женщине, которая называла себя Джиллиан, а впоследствии Гейлис. Любое упоминание о ней будоражило любопытство...

Роджер снова притянул к себе чашку и глотнул из нее, не разбирая вкуса. Что, если он заключит сделку и в самом деле все расскажет Фионе? Не только о Клэр, но и о нем самом, и о Брианне?

Мысль о Бри камнем упала в душу, оставляя на поверхности круги страха. «Она мертва, – сказала Фиона о Джиллиан, – разве не так?»

«А разве так?» – ответил он, живо представляя зеленоглазую женщину с распущенными волосами, готовую пройт-

ти через внезапно распахнувшуюся дверь во времени.

Нет, она не умерла. По крайней мере, тогда. Клэр встрети-
лась с ней... Или встреча лишь предстояла? Раньше? Поз-
же? Она не умерла, но мертва?

К черту рассуждения!.. Слишком взбудораженный, чтобы
оставаться на одном месте, Роджер поднялся и прошел в го-
стиную. У дверей кухни он замедлил шаг. Фиона стояла у
раковины, глядя в окно. Она услышала его шаги и оберну-
лась, сжимая в руках тряпку для посуды, которую так и не
пустила в ход.

– Я не хотела говорить, однако рассказать нужно. – Фио-
на вздохнула и выпятила подбородок, словно пекинес, гото-
вый дать отпор настоящему льву. – Мама Бри, милая миссис
Рэндалл, спросила меня о бабушке, она знала, что бабушка
была... была танцовщицей.

– Танцовщицей? Ты имеешь в виду, танцевала у камней? –
Роджер был немного обескуражен. Клэр говорила ему при
первой встрече, и все же он не до конца поверил, что миссис
Грэхэм принимала участие в ритуальных танцах на майской
лужайке.

Фиона тяжело вздохнула.

– Значит, тебе известно.

– Я не знал. Просто миссис Рэндалл – супруга доктора
– говорила мне, что видела женщин, которые танцевали у
камней на Белтайн. Твоя бабушка была среди них.

Фиона покачала головой.

– Не просто среди них. Бабушка была заклинательницей.

Роджер прошел в кухню и вынул тряпку для посуды из Фиониной руки.

– Садись. – Он взял ее под руку и усадил за стол. – Расскажи мне, что значит заклинательница.

– Та, что велит солнцу сесть. – Фиона покорно села на стул. Роджер понял, что она решилась. – Бабушка владела древним языком, языком солнца. Сначала мы танцуем в кругу, а потом заклинательница становится лицом к расколотому камню и поет... Это не совсем песня... Напоминает проповедь, что читает священник на кафедре, звучит так же размеренно. Начинать нужно, когда солнце занимается над морем, а к концу песни лучи как раз проходят через камень.

– Ты помнишь слова? – В Роджере проснулся ученый, интерес исследователя возобладал над смущением.

Фиона не очень походила на бабушку, однако взгляд, которым она его смерила, до жути напоминал взгляд миссис Грэхэм.

– Я знаю их наизусть. Теперь заклинательница я.

Роджер понял, что стоит с отвисшей челюстью, и прикрыл рот. Фиона потянулась за жестяной банкой с печеньем.

– Тебе знать слова ни к чему, – ворчливо заметила она. – Ты спрашивал о миссис Эдгарс, вот о ней я и расскажу.

Фиона была знакома с Джиллиан Эдгарс, та тоже была танцовщицей, только новенькой. Она все расспрашивала более опытных, чтобы научиться как следует. Еще она хотела

выучить песню солнца, но слова песни необходимо держать в тайне, их знают только заклинательница и ее преемница. Некоторые танцовщицы – те, что слышали песню из года в год, – запомнили их, но, разумеется, не все, а еще они не знали, когда следует начинать и как рассчитать время, чтобы финальные слова совпали с лучами солнца.

Фиона замолчала, уставившись на сложенные на коленях руки.

– Только женщины знают об этом, мужчин мы не допускаем, им нельзя рассказывать. Ни за что.

Роджер накрыл ладонью ее руки.

– Фиона, ты правильно сделала, что сказала, – мягко произнес он. – Пожалуйста, договаривай.

Она с глубоким вздохом вытянула ладони и вперилась в него взглядом.

– Тебе известно, куда она отправилась? Брианна?

– Туда же, куда и Джиллиан. Ведь так?

Фиона смотрела на него по-прежнему молча. Роджеру на миг показалось, что все это сон. Разве мог он на самом деле обсуждать с Фионой ритуальные танцы у камней и путешествия во времени, удобно расположившись на стуле и прихлебывая чай из чашки с профилем королевы? С Фионой, боже мой, с Фионой, которая интересовалась только тем, как ублажить Эрни и сэкономить на домашнем хозяйстве!

То есть он так думал.

Роджер взял чашку, сполоснул ее и вытер полотенцем.

– Я должен пойти за ней, Фиона, если это осуществимо. Она покачала головой, явно встревоженная.

– Не знаю. Раньше проходили только женщины. Вдруг только женщины могут?

Роджер вертел в руках солонку. Это то, чего он и опасался.

– Что ж, выход один – проверить. – Перед глазами невольно встал грозный черный камень на фоне розового рассветного неба.

– У меня ее записная книжка, – прошептала Фиона.

– Чья? Джиллиан Эдгарс? Она что-то записывала?

– Записывала. Есть одно место... – Фиона посмотрела на него потемневшими глазами и облизнула губы, – мы храним там все вещи, необходимые для ритуала. Она оставила ее там, а я забрала... потом...

После того как муж Джиллиан погиб в каменном круге, подумал Роджер.

– Возможно, книжка понадобилась бы полиции, – продолжила Фиона, – но мне не хотелось ее отдавать, к тому же я решила, что к убийству она не имеет отношения. Понимаешь, ее собственная записная книжка...

– Это была ее тайна, – сказал Роджер.

Фиона кивнула и перевела дыхание.

– Я прочла ее.

– И поэтому ты знаешь, куда она отправилась?

Фиона испустила тяжкий вздох и глянула на него со смущенной улыбкой.

– Ну, полиции эти записи все равно не помогли бы.

– А мне помогут?

– Надеюсь, – проронила она и выдвинула ящик буфета, достав небольшой блокнот, обернутый в зеленую ткань.

Глава 32

Колдовская книга

«Это колдовская книга ведьмы Гейлис. Не важно, как называли меня при рождении, важно только то, кем я стала и кем еще смогу стать.

Кем же? Я узнаю, только пройдя мой путь до конца. Пройдя мой путь – путь власти.

Говорят, беспредельная власть развращает. Если да, то как? Власть не может быть беспредельной, ибо мы смертны, ты и я. Плоть и кости, что нащупываются под кожей, докажут тебе, что я права.

Но и в плену плоти можно достичь многого. Что произойдет, если избавиться от сего плена – мне неизвестно, это чужая территория. В том-то и разница между мной и теми, кто ушел в Черное Королевство, теми, кто ищет власть в магии и в связи с духами зла.

Я выбираю тело, а не душу. Отрицая душу, я выбираю собственную власть, не поручая себя покровительству неких неизвестных сил. Я не взываю ни к помощи дьявола, ни к помощи бога – я в них не верю. Ни бог, ни дьявол над тобой не властны; для той, что выбрала жизнь во плоти, не имеет значения, кто из них, в конце концов, одержит верх.

Наша власть длится лишь мгновение, и все же для нас это мгновение и есть вечность. Тонкая непрочная нить свя-

зывает землю и пространство. Жизнь нам дается один раз, однако эти годы мы можем провести в разном времени – во многих временах?

Если ты берешь власть, тебе предстоит выбрать для себя и время, и место. Когда тень камня упадет к твоим ногам, вот тогда и в самом деле распахнутся ворота судьбы».

– Она сбрендила, – пробурчал Роджер. – Да и стиль ни к черту.

В кухне никого не было, и он говорил, чтобы подбодрить самого себя. Не помогло.

После вступления шел второй раздел: «Праздники солнца и праздники огня», там, собственно, все они перечислялись: Имболк, Альбан Эйлир, Белтайн, Лита, Лугнассад, Альбан Эльфед, Самайн, Альбан Артан. К каждому шел абзац с пояснениями, а рядом на полях стояло по несколько крестиков. Это еще, черт возьми, что такое?

Взгляд Роджера упал на абзац, посвященный Самайну, с шестью крестиками на полях:

«Первый праздник мертвецов. В ночь Самайна души героев выходили из могил. Героев мало. Многие ли из них родились в час, когда звезды стоят, как надо? И многие ли осмелились взять власть, которая принадлежала им по праву?»

Даже если Джиллиан выжила из ума, ее бред носил характер систематического: все было изложено вполне логично и

не лишено поэтического флера. Основной раздел в записной книжке носил название «Частные случаи», и если от первого раздела у Роджера зашевелились волосы на затылке, то от второго кровь заледенела в жилах.

Он представлял собой четкий список с указанием времени и места, а также с перечислением тел, которых когда-либо находили вблизи каменного круга. В нескольких словах описывалась внешность и обстоятельства, при которых нашли тело.

«14 августа 1931 года, Сюр-ле-Ман, Бретань. Тело мужчины, не опознано. Возраст: около сорока пяти. Найден у подножия ближайшего к северу камня. Никаких признаков насильственной смерти, сильные ожоги рук и ног. В описании одежды указано только «лоскуты». Фотографии нет.

Возможные причины неудачи: 1) мужчина; 2) неправильная дата – 23 дня с последнего праздника солнца.

2 апреля 1650 года, Кастлериг, Шотландия. Тело женщины, не опознано. Возраст: около пятнадцати. Найдена за кругом. На теле многочисленные рваные раны; возможно, из круга тело оттащили волки. Описания одежды нет.

Возможные причины неудачи: 1) неправильная дата – 28 дней до праздника огня; 2) недостаточная подготовка.

5 февраля 1953 года, Калланиш, остров Льюис. Тело

мужчины, опознано: Джон Маклеод, ловец крабов, 26 лет. Причиной смерти названо обширное кровоизлияние в мозг, в коронерском расследовании перечислены следующие признаки: ожоги второй степени на лице и конечностях, сожженная одежда. Вердикт coronera – смерть от удара молнии. Вряд ли.

Возможные причины неудачи: 1) мужчина; 2) почти в день Имболка, но, скорее всего, не совсем точное время; 2) неправильная подготовка – на фотографиях в газете рубашка жертвы растегнута, на шее виднеется небольшой ожог, возможно, от нательного креста, – изображение слишком нечеткое, чтобы сказать наверняка.

1 мая 1963 года, Томнахурич, Шотландия. Тело женщины, опознано: Мэри Уокер Уиллис. Коронерское расследование зафиксировало ожоги на лице, сгоревшую одежду, постановили смерть от сердечной недостаточности – разрыв аорты. Указано, что мисс Уокер была одета в лохмотья.

Возможные причины неудачи: эта знала, что делает, но ей не удалось. Возможно, ошиблась с жертвоприношением».

Гейлис обнаружила двадцать две жертвы, начиная с середины семнадцатого по середину двадцатого века в Шотландии, Северной Англии и в Бретани, в местах, где остались доисторические каменные круги. Некоторые погибли по случайности, – люди ступили в круг, не подозревая об опасно-

сти, которую таили в себе камни.

По всей видимости, только двое или трое знали, на что шли, потому что на них была подходящая одежда. Возможно, однажды переход удался, и они захотели попытать счастья вновь, но их поджидала неудача.

В животе у Роджера клубком свернулась холодная змея. Клэр была права, это совсем не то, что пройти через вращающуюся дверь.

Еще были исчезновения... Она внесла их в отдельный список, обозначив дату, возраст и пол пропавшего. Краткие заметки об обстоятельствах исчезновений говорили Роджеру куда больше, чем было написано. Так вот что значили крестики на полях – сколько человек пропало в каждый праздник. Пропавших было больше, чем погибших; впрочем, возможно, Гейлис не располагала достаточной информацией. А знаки вопроса Гейлис ставила, точно не зная, связано ли исчезновение в окрестностях каменного круга именно с переходом во времени.

Роджер перевернул страницу и вдруг замер, словно его ударили под дых.

«1 мая 1945 года, Крейг-на-Дун, Инвернесс, Шотландия. Клэр Рэндалл, 27 лет, домохозяйка. В последний раз ее видели рано утром; она заявила, что отправится к камням, чтобы отыскать какие-то редкие семена. К вечеру не вер-

нулась. Машину нашли припаркованной у подножия холма. Следов в кругу не обнаружено, как и признаков преступления».

Получается, Клэр неумышленно предоставила Джиллиан Эдгарс сведения о ее переходе, которые та впоследствии использовала, чтобы совершить переход самой. Интересно, нашла ли Гейлис какую-то информацию о возвращении Клэр три года спустя?

Очевидно, нет, заключил Роджер, перелистав страницы. А если и нашла, то не записала.

Фиона принесла ему чай и тарелку с ореховым печеньем, которое так и осталось нетронутым с того часа, когда он открыл блокнот. Больше из чувства признательности, нежели от голода, он схватил печенье и откусил кусочек, но крошки встали комом в горле, и Роджер закашлялся.

Последний раздел в записях был озаглавлен «Техника перехода и необходимые приготовления».

«Наверное, смысл в том, что камни живут куда дольше, чем люди. И хранят свою силу. В старинных преданиях говорится о «линиях земли» и о власти, которая в них заключена. Я уверена, что назначение камней как-то связано с линиями. Искажают ли камни линии, пересекая их, или просто показывают, где те пролегают?»

Роджер все быстрее пробежал глазами страницы и наконец откинулся на спинку стула, захлопнув блокнот. Он прочтет последний раздел потом, и не раз. Теперь нужно выйти на воздух. Неудивительно, что Фиона так расстроилась из-за этой книжки.

Он стремительно шел по улице, ведущей к реке, несмотря на то, что начал моросить дождь. Было уже поздно, церковный колокол звал к вечерне, и на мостах сталолюдно — страждущие пытались пробраться к пабам. Однако сквозь колокольный звон, и гомон, и топот ног в голове Роджера отчетливо звучали заключительные слова, будто сама Гейлис нашептывала их ему на ухо:

«Поцеловать тебя, мальчик? Поцеловать тебя, мужчина? Но за мягкими губами у меня острые зубы. Я могу убить тебя столь же легко, сколь заключить в объятия. Вкус власти — это вкус крови. Сталь во рту и сталь в моей руке. Нужна жертва».

Глава 33

Праздник летнего равноденствия

20 июня 1971 года

На день летнего равноденствия в Шотландии солнце и луна видны на небе одновременно. Летнее солнцестояние, праздник Лита, Альбан Эйлир. Почти минула полночь, молочно-белый свет потускнел.

Роджер почувствовал камни задолго до того, как увидел их. Клэр и Гейлис были правы, нужная дата играла большую роль. Когда он бывал здесь прежде, камни казались зловещими, но немыми. Теперь он их слышал, и не с помощью слуха, а кожей – низкий вибрирующий звук, как будто раздувались меха волынки.

Роджер и Фиона поднялись на вершину холма и замерли в тридцати футах от круга. Внизу простиралась долина, таинственная в мерцающем свете восходящей луны. Раздался короткий жалобный вздох, и Роджер вдруг понял, что Фиона серьезно напугана.

– Слушай, тебе вовсе незачем оставаться, – предложил он. – Если боишься, иди обратно, со мной все будет хорошо.
– Бестолочь, я не за себя волнуюсь. – Она сунула ру-

ки, сжатые в кулаки, поглубже в карманы и упрямо опустила подбородок, выставив лоб, совсем как молодой бычок. — Идем уже.

Роджер задел плечом ольховую ветку. Раздавшийся шорох заставил его вздрогнуть, и по спине пробежал холодок, несмотря на то, что он укутался, как мог. Наряд внезапно показался ему нелепым: длинное пальто, теплый шерстяной жилет, бриджи и шерстяные чулки. В колледже ставят пьесу, сказал он портному, который шил костюм.

— Бестолочь, точно, — пробормотал он себе под нос.

Фиона вошла в круг первой; она не позволила Роджеру ни пойти с ней, ни наблюдать. Он послушно повернулся спиной, предоставив ей возможность сделать все, что необходимо.

Она взяла с собой пакет, в котором, по-видимому, лежали принадлежности для ритуала. Роджер спросил, что в нем, но Фиона отрезала, чтобы не совал нос, куда не следует. Она нервничала так же, как он, подумал Роджер.

Гул раздражал его, отдавался не в ушах, а где-то внутри, в теле — под кожей. Кости рук и ног словно превратились в натянутые струны, а кровь зудела в жилах, отчего ему постоянно хотелось чесаться. Фиона гул не слышала — Роджер специально уточнил, желая убедиться, что она в безопасности, прежде чем пустить ее в круг.

Наверное, так и есть: только те, кто слышат камни, способны пройти через них. Он никогда не простит себе, если что-нибудь случится с Фионой. Впрочем, во время праздни-

ков она сто раз заходила в круг, и ничего страшного не произошло. Роджер украдкой взглянул через плечо, увидел маленький огонек у подножия высокого расколотого камня и тут же отвернулся.

Фиона пела тихим высоким голосом. Слов было не разобрать. Все остальные путешественницы во времени были женщинами; удастся ли ему переход?

Возможно. Если способность проходить сквозь камни является врожденной, чем-то вроде способности сворачивать язык в трубочку, то почему нет? Клэр могла, могла и Брианна. Брианна была дочерью Клэр. А он был потомком другой путешественницы во времени, последней, кого он знал – ведьмы Гейлис.

Роджер затопал ногами и встряхнулся, как лошадь, отгоняющая мух, пытаясь избавиться от гула. Боже, его как будто муравьи искушали! От пения Фионы гул усилился.

Он яростно почесал грудь, пытаясь избавиться от раздражения, и тут почувствовал тяжесть небольшого круглого медальона, принадлежавшего его матери и взятого с собой на удачу, а еще из-за того, что он был инкрустирован гранатами. У Роджера оставались сомнения по поводу инструкций Гейлис – он не собирался попробовать кровь, хотя костер Фиона все же развела. Но, в конце концов, драгоценные камни не могли причинить вреда, а уж если они помогали... Боже правый, Фиона совсем не торопится? Роджер нервно трясся под одеждой, словно желая скинуть ее с себя вместе с кожей.

Чтобы отвлечься, он снова похлопал нагрудный карман, нащупав медальон. Лишь бы сработал, лишь бы помог... Эта идея пришла Роджеру в голову совсем недавно, когда возможность, которую предлагали камни, трансформировалась в четкий план. Если бы только все получилось... Роджер вертел в пальцах небольшой круглый предмет, и из темных глубин сознания вдруг проступило лицо Джерри Маккензи.

Брианна ушла, чтобы разыскать отца. Способен ли он сделать то же самое?..

Боже, Фиона!.. Ему становилось все хуже; саднили десны, кожа горела. Началось головокружение; возникло чувство, что череп распадается на части.

И вот она появилась: маленькая фигурка подошла, схватила его за руку и повела в круг, тревожно что-то бормоча. Что именно, Роджер не слышал, внутри стоял гул куда более сильный; звенело в ушах и в голове, в глазах потемнело, спину свело от боли, как будто между позвонков кто-то вбивал клин за клином.

Стиснув зубы, он часто заморгал, чтобы прогнать с глаз дурманящую пелену. Его взгляд остановился на круглом лице Фионы, перекошенном от страха.

Роджер быстро наклонился и поцеловал ее в полные губы.
– Не говори Эрни, – произнес он, затем повернулся и вошел в камень.

Легкий летний ветерок принес с собой запах гари. Откуда

запах?.. Пламя вспыхнуло и расцвело на вершине соседнего холма, огненная роза в честь праздника летнего солнцестояния.

Над головой виднелись бледные звезды, частично скрытые мчащимися по небу облаками. Не хотелось ни думать, ни двигаться. Роджер чувствовал странную легкость, он словно стал бестелесным, растворенным в небе, а в голове пульсировал звездный свет, похожий на круги, расходящиеся от поплавка на рыбацкой удочке. В ушах стоял тихий, мелодичный гул – далекая песня звездных сирен. И пахло кофе.

В идиллию вторглось смутное ощущение, что что-то идет не так. Как от булавочного укола, внутри побежали крошечные болезненные искры. Роджер попытался прогнать неприятное ощущение, желая только лишь плыть в свете звезд, но попытка привела к тому, что он проснулся. Он снова обрел тело, и телу было больно.

– Роджер! – завопила звезда ему прямо в ухо. Жгучая боль пронзила грудь, и он похлопал ладонью по саднящей ране. Кто-то схватил и отвел прочь его руку, но он успел почувствовать под ладонью влагу и шелковисто-шероховатый слой пепла. Кровотечение?

– Ох, слава богу, ты очнулся! Давай, давай, умница. Тебе полегче, да? – говорило облако.

Сбитый с толку Роджер заморгал, и облако обрело очертания Фиониного профиля, темнеющего на фоне неба. Он попытался подняться, больше инстинктивно, чем осознанно.

Вернувшись, тело отомстило. Роджер чувствовал себя безнадежно больным, в ноздрях стоял невыносимо гадкий запах кофе и горелого мяса. Он поднялся на четвереньки, его вырвало, он рухнул на траву...

Руки Фионы гладили, успокаивали, вытирали лицо и рот.
– Ты как? – Она спрашивала, должно быть, в тысячный раз.

Теперь он нашел в себе достаточно сил, чтобы ответить:
– Нормально. Все хорошо. А что...
Ее голова придвинулась ближе, закрыв половину звездного неба.

– Не знаю. Ты пошел и исчез, а потом что-то вспыхнуло, смотрю – ты лежишь в кругу, и пальто на тебе тлеет. Я тебя облила из термоса.

Вот почему пахло кофе, а на груди оказалось сырое пятно. Он поднял руку, ощупывая грудь. На влажной ткани пальто была дыра около трех дюймов в диаметре. Кожу на груди тоже опалило; через отверстие в ткани Роджер почувствовал странно онемевшие пузыри. Медальон матери исчез.

– Что такое, Родж? – Фиона сидела рядом на корточках. Ее лицо было едва различимо в темноте, однако Роджер заметил блестящие дорожки, оставшиеся от слез. То, что он сперва принял за костер в честь праздника летнего солнцестояния, оказалось пламенем свечи в руках Фионы, которая почти догорела. Господи, сколько же он пролежал без сознания?

– Я... – Роджер начал было говорить, но умолк, не зная, что сказать. – Дай мне немного подумать, хорошо?

Он уронил голову на колени, вдыхая запах мокрой травы и горелой ткани.

Как описать подобные вещи? Это было не видение, и все же он четко запомнил образ отца. Ни звука, ни прикосновения, и все же он слышал и чувствовал. Кажется, тело наделило вещи собственным смыслом, переводя сверхъестественные метаморфозы времени в конкретные ощущения.

Роджер поднял голову с колен и глубоко вздохнул.

– Я думал об отце. Когда я проходил через камень, то думал, что если все сработает, интересно, смогу ли я разыскать его. И я... я нашел...

– Ты нашел? Отца? Ты что, видел призрак?

Роджер почувствовал мерцание свечи, – Фиона перекрестилась, чтобы отогнать дьявола.

– Нет. Не совсем. Я... Я не могу объяснить. Но я встретил его, я узнал его. – Чувство умиротворения по-прежнему еще трепетало где-то внутри. – Случилось что-то вроде взрыва, я могу описать это только так. Меня что-то ударило здесь. – Пальцы Роджера коснулись ожога на груди. – И меня словно выбросило... Вот и все, а потом я проснулся. – Он ласково притронулся к ее лицу. – Спасибо, Фиона, ты спасла меня, я бы сгорел.

– Ох, да ладно. – Фиона нетерпеливо отмахнулась. – Знаешь, Родж, то, что сказано в ее книжке, ну, что драгоцен-

ные камни могут защитить... В медальоне твоей мамы было несколько камней, ведь так? Может, если бы не они, ты бы не выжил. Она ведь писала о тех, кто не выжил. Они обгорели, и у тебя тоже ожог – там, где был медальон.

– Да. Не исключено. – Роджер начал приходить в себя и с любопытством взглянул на Фиону. – Ты всегда говоришь «она». Почему ты никогда не зовешь ее по имени?

Кудри Фионы затрепетали на ветру, когда она повернулась, чтобы взглянуть на него. Уже достаточно рассвело, чтобы Роджер сумел рассмотреть в ее чертах непреклонное выражение.

– Не стоит никого звать, если не хочешь, чтобы он пришел. Ты должен бы понимать, ведь к тебе явился отец.

Волосы на руках у Роджера встали дыбом, несмотря на теплую рубашку и пальто.

– Раз уж ты сказала, – протянул он, пытаясь говорить шутливым тоном. – Я не проговаривал имя отца, хотя возможно... Миссис Рэндалл говорила, что думала о муже, когда возвращалась.

Фиона кивнула, нахмурившись. Теперь он четко видел ее лицо, и понял, что скоро рассветет. Небо на востоке заалело.

– Боже правый, уже почти утро! Пора идти!

– Идти? – Фиона смотрела на него с ужасом. – Ты собираешься попробовать еще раз?!

– Я должен. – Во рту пересохло, и Роджер пожалел, что Фиона извела весь кофе. Он подавил растущее чувство пу-

стоты в желудке и встал. Колени подкашивались, но идти он мог.

– Ты с ума сошел, Родж? Ты погибнешь!

Он покачал головой, не сводя глаз с высокого расколотого камня.

– Нет. Нет, я знаю, что пошло не так. Это больше не повторится.

– Ты не можешь знать наверняка!

– Знаю. – Роджер оторвал ее руку от рукава и задержал в своих ладонях, небольшую и холодную. Он улыбнулся Фионе, хотя лицо странно онемело. – Надеюсь, Эрни еще не успел вызвать полицию на розыски. Тебе лучше поспешить домой.

Она нетерпеливо передернула плечами.

– Да он на рыбалке вместе с Нилом, двоюродным братом, до вторника!.. Почему ты говоришь, что это больше не повторится, что ты имеешь в виду?

Как объяснить? И все же он обязан попытаться.

– Когда я сказал, что думал об отце, я думал не о нем самом, а о том, каким я его запомнил. А помнил я его по фотографиям – на них он в форме либо с мамой. Дело в том... Я родился в это время, понимаешь? – Роджер испытующим взглядом посмотрел на маленькое круглое лицо и увидел, как Фиона медленно заморгала, постигая смысл его слов. Она вздохнула со смесью страха и удивления.

– То есть ты встретил не только отца?

Он молча покачал головой. Ни видения, ни звука или запаха, или прикосновения. Нельзя было передать ощущения от встречи с самим собой.

– Мне надо идти, – тихо повторил он и сжал ее руку. – Я... не знаю, как мне отблагодарить тебя.

Фиона смотрела на него, поджав нижнюю губу, глаза блестя. Затем она сняла с пальца обручальное кольцо и вложила ему в руку.

– Камень маленький, но это настоящий бриллиант. Надеюсь, поможет.

– Я не могу его взять! – Роджер хотел вернуть кольцо, но Фиона отступила на шаг и спрятала руки за спину.

– Не волнуйся, оно застраховано. Эрнест большой спец по части страховки. – Фиона попыталась улыбнуться, хотя слезы так и текли по ее лицу. – И я тоже.

Возразить было нечего. Роджер положил кольцо в карман пальто и взглянул на большой расколотый камень, чьи черные грани поблескивали в лучах рассветного солнца. Роджер все еще слышал гул, но теперь он ощущался больше пульсацией сердца где-то внутри.

Слов не было, да они и не были нужны. На прощание Роджер губами легонько коснулся ее лица и пошел к камню, немного пошатываясь.

Фиона ждала долго, пока солнце не оказалось у вершины камня.

– *Slan leat, a charaid chmir*, – тихо промолвила она. – Удачи

тебе, дорогой друг.

И медленно, не оглядываясь, пошла вниз по склону.

Глава 34

Лаллиброх

Шотландия, июнь 1769 года

Коня звали Брут; к счастью, это не описывало его характер. Он был работягой, он был сильным и верным – даже если не верным, то, по крайней мере, покорным. Он нес ее через летнюю зелень пологих долин и горных ущелий, поднимаясь все выше по хорошим дорогам, проложенным английским генералом Уэйдом лет пятьдесят тому назад, и плохим дорогам, проложенным после его отставки, преодолевая колючие заросли и забираясь все выше к местам, где дороги превращались в оленьи тропинки, пролегающие через болота.

Брианна отпустила поводья, давая Бруту отдохнуть от последнего подъема, и обвела взглядом раскинувшуюся внизу долину. Большой белый дом, выложенный серым камнем, уютно пристроился посреди бледно-зеленых полей овса и ячменя; обнесенный стеной огород и многочисленные хозяйственные постройки гнездились рядом, словно цыплята вокруг большой белой курицы.

Брианна никогда не видела его раньше, только слыша-

ла описания Лаллиброха от матери. Это был единственный большой дом на много миль вокруг; за последние три дня пути ей не встречалось другого жилья, лишь крошечные фермерские домишки со стенами из мелкого речного камня, причем многие из них стояли пустыми и покосившимися, а от некоторых вообще осталось одно пепелище.

Из трубы поднимался дым. Был почти полдень; возможно, в доме обедали.

Брианна судорожно сглотнула, во рту пересохло от волнения и тревоги. Кто там внутри? Кого она встретит в первую очередь? Иэна? Дженни? И как они отреагируют на ее появление?

Она решила просто сказать правду, кто она и что здесь делает. Мать говорила, что Брианна очень похожа на отца; ей придется рассчитывать на это сходство. Шотландцы, с которыми она встречалась до сих пор, настороженно относились к ее внешности и странной речи; возможно, Мюрреи не поверят. Потом Брианна вспомнила о доказательстве и ощупала карман пальто. Они поверят; в конце концов, ей есть, чем подтвердить свои слова.

От неожиданной мысли засосало под ложечкой. А может, сейчас здесь они? Джейми Фрейзер и ее мать? Раньше эта мысль не приходила ей в голову. Брианна была уверена, что они в Америке, но ведь это не обязательно так. Да, в 1776 году они были в Америке, однако о том, где они теперь, никакой информации не было.

Брут вскинул голову и громко заржал. Позади раздалось ответное ржание, и Брианна дернула поводья, развернув коня. Он вытянул голову и принялся – на повороте показалась красивая гнедая лошадь, верхом сидел высокий мужчина в коричневом костюме.

Мужчина заметил их и придержал лошадь, затем прищиприл ее и подъехал к Брианне. Она успела рассмотреть, что наездник молод. Его лицо было покрыто загаром, заметным, несмотря на шляпу; наверное, он много времени проводил на свежем воздухе. Подол пальто был измят, а чулки покрыты пылью и колючками.

Незнакомец подъезжал осторожно, кивнув, когда приблизился настолько, что можно было заговорить. Брианна заметила, как от неожиданности вытянулось его лицо, и улыбнулась.

Только теперь он понял, что Брианна – женщина. Мужская одежда никого не смогла бы обмануть вблизи; «мальчишеская» – последнее слово, которым можно описать ее фигуру. Впрочем, наряд служил достаточно хорошо – в нем удобно было ездить верхом, и, учитывая ее рост, издалека она выглядела как мужчина.

Незнакомец приподнял шляпу и поклонился ей. Он не был красавцем, но обладал приятной внешностью – волевое лицо с густыми, в данный момент удивленно приподнятыми бровями и ласковые карие глаза из-под пышной шапки темных блестящих кудрей.

– Мадам, я могу вам чем-то помочь?

Брианна сняла шляпу и улыбнулась.

– Надеюсь, это место называется Лаллиброх?

Незнакомец кивнул. К удивлению в его взгляде прибавилась настороженность, когда он услышал ее странный акцент.

– Верно. Вас привело сюда какое-то дело?

– Да, – твердо сказала она, – дело. – Брианна выпрямилась в седле и набрала воздуха в легкие. – Меня зовут Брианна... Фрейзер.

До чего странно было произносить это вслух; раньше она никогда себя так не называла.

Настороженность в его взгляде исчезла, но удивление осталось.

– К вашим услугам, мэм! Джейми Фрейзер Мюррей, – добавил он, учтиво поклонившись, – из Брех-Туараха.

– Юный Джейми, – пылко воскликнула Брианна, – вы – юный Джейми!

– В семье меня зовут именно так, – сухо сказал он, давая понять, что возражает против того, чтобы его так называла незнакомая чудаковатая женщина в немыслимых одеждах.

– Приятно познакомиться, – бесстрашно сказала Брианна и протянула руку, подавшись вперед. – Я – ваша кузина.

Брови юного Джейми, опустившиеся было во время обмена приветствиями, снова поползли вверх.

– Мой отец – Джейми Фрейзер, – сказала Брианна.

У него отвисла челюсть. Он оглядел ее с головы до ног, внимательно рассмотрел лицо, а затем широкая улыбка медленно расплзлась от уха до уха по его собственному.

– Черт возьми, а ведь и правда! – воскликнул он и сжал ее ладонь так, что кости хрустнули. – Как две капли воды!

Джейми-младший рассмеялся, и его лицо, потеплев, преобразилось.

– Боже правый, – сказал он, – да у мамы глаза на лоб полезут!

На ветвях шиповника, разросшегося у двери, набухли сотни крошечных зеленых бутонов, готовых вот-вот распуститься. Брианна посмотрела на деревянную дощечку над дверью.

«Фрейзер, 1716» было выстругано на ней. Брианна слегка вздрогнула и задержалась.

– Что случилось, кухня? – Джейми-младший недоуменно обернулся.

– Все в порядке. – Она поспешила за ним, машинально пригнув голову у порога, хотя в этом не было необходимости.

– У нас почти все высокие, кроме мамы и крошки Китти, – улыбнулся Джейми, заметив ее движение. – Мой дед, в смысле, и твой дед тоже, он выстроил этот дом для своей жены, а она была очень высокой. Наверное, это единственный дом в Шотландии, куда ты можешь войти прямо, не стукнувшись головой о притолоку.

«И твой дед тоже»... От случайно оброненных слов на душе стало тепло, несмотря на прохладный полумрак, царивший в прихожей.

Фрэнк Рэндалл был единственным ребенком в семье, как и ее мать, так что близких родственников у нее не было. в Англии оставались только пара пожилых двоюродных теток, а несколько дальних, наверное, троюродных, сестер жили в Австралии. Отправляясь на поиски, Брианна думала только о том, чтобы разыскать отца, и даже не представляла, что обретет целую семью.

Большую семью, к тому же. Когда она вошла в прихожую, дверь распахнулась, и из комнаты выбежали четверо ребят-шек, а за ними вышла высокая молодая женщина с копной каштановых кудрей.

– Бегите, крошечные рыбки, – воскликнула она, вытянув руки и шевеля ими, как клешнями, – бешеный краб сейчас ка-ак проглотит вас! Клац-клац!

Дети неслись по коридору с гомоном, смехом и криками, оглядываясь назад и пища от ужаса и восторга. Один из них, маленький мальчик лет четырех или около того, заметил Брианну и младшего Джейми, стоявших у входа, и мгновенно свернул в сторону, промчавшись по коридору, словно локомотив, крича:

– Папа, папочка!

Мальчик бросился к юному Джейми. Тот ловко подхватил на руки сияющего кроху.

– Ну-ка, малыш Мэтью! Где твои манеры, которым тебя учила тетя Джанет? Что подумает новая кузина, глядя, как ты носишься, словно ополоумевший цыпленок?

Малыш громко хихикнул, вовсе не обращая внимания на строгий тон отца. Он посмотрел на Брианну, поймал ее взгляд и быстро уткнулся в плечо отцу. Потом медленно поднял голову и снова посмотрел на нее широко распахнутыми голубыми глазами.

– Папа, это что, леди?

– Конечно, я же говорю, это твоя кузина.

– Но на ней бриджи, – Мэтью удивленно таращился на нее, – а леди не носят бриджи!

Молодая женщина тоже смотрела на Брианну так, словно полностью была согласна с сыном. Впрочем, она твердо прервала расспросы и приняла мальчика из рук отца.

– Что ж, думаю, у леди были на то свои причины, и вообще, нехорошо обсуждать людей в их присутствии. Давай-ка ты сходишь умоешься, ладно?

Она поставила мальчика на пол и слегка подтолкнула в сторону двери. Мэтью даже не пошевелился, наоборот, продолжил разглядывать Брианну.

– А где твоя бабушка, Мэт? – спросил у него отец.

– В гостиной вместе с дедушкой, с какой-то леди и с каким-то мужчиной, – без запинки отрапортовал мальчик. – У них два кофейника, поднос с булочками и целый кекс с изюмом, но мама говорит, что они нарочно сидят и сидят, в на-

дежде на обед. И удачи им, так она сказала, потому что сегодня у нас только каша и чуть-чуть мяса, и будь она проклята... Ой! – Мальчик прижал ладонь ко рту, виновато глядя на отца. – И она ни за что не подаст им пирог из крыжовника, пусть хоть до вечера просидят.

Юный Джейми, прищурившись, испепелил сына взглядом и повернулся, вопросительно глядя на сестру:

– Какая-то леди и какой-то мужчина?

Джанет скорчила недовольную гримасу.

– Гризлер с братом.

Юный Джейми хмыкнул.

– Мама обрадуется, что нашелся повод ускользнуть от них. – Он кивнул Мэтью. – Позови бабушку, Мэт! Скажи, я привел кой-кого, с кем ей захочется познакомиться. Только следи за языком, будь любезен!

Он развернул Мэтью за плечи и легонько наподдал под зад.

Мальчик неохотно пошел прочь, то и дело оборачиваясь и бросая на Брианну любопытные взгляды.

Юный Джейми с улыбкой повернулся.

– Это мой старшенький. А это, – он показал на молодую женщину, – моя сестра, Джанет Мюррей. Джанет, это мисс Брианна Фрейзер.

Брианна не знала, стоит ли пожимать руку при знакомстве, и решила ограничиться поклоном и улыбкой.

– Приятно познакомиться, – тепло сказала она.

Джанет удивленно распахнула глаза, поразившись то ли словам Брианны, то ли ее странному акценту.

Юный Джейми улыбнулся, заметив удивление сестры.

– Ты ни за что не догадаешься, кто она, – подзадорил он, – даже за тысячу лет.

Джанет, прищурившись, посмотрела на Брианну.

– Кузина, – пробормотала она, оглядывая гостью, – конечно, она похожа на Маккензи, но ты говоришь, она Фрейзер...

Внезапно ее глаза округлились.

– Не может быть! – прошептала она, глядя на Брианну. Широкая улыбка, совсем как у брата, расплзлась по лицу, свидетельствуя о семейном сходстве. – Не может быть!

Хихиканье брата прервалось из-за скрипа раскрывшейся двери.

– Эй, Джейми! Мэтью сказал, у нас гостя...

Тихий голос внезапно запнулся.

Дженни Мюррей была очень маленькой, не выше пяти футов, и щуплой, как воробей. Она стояла, глядя на Брианну со слегка приоткрытым ртом. Глаза цвета синей горечавки казались особенно выразительными на вдруг побледневшем лице.

Брианна ласково улыбнулась, кивнув тете – подруге ее матери и любимой единственной сестре отца. «О, пожалуйста! – умоляюще подумала она. – Пожалуйста, пусть я тебе понравлюсь, пожалуйста, обрадуйся, что я здесь!»

Юный Джейми изысканно поклонился матери, весь сияя.

– Мама, позволь представить тебе...

– Джейми Фрейзер! Я знала, он вернется, я говорила тебе, Дженни Мюррей!

Позади из прихожей раздался высокий недовольный голос. Изумленно обернувшись, Брианна увидела выходящую из тени женщину, которая шипела от негодования.

– Аммиас Кеттрик говорил мне, что видел твоего брата верхом на лошади в Балбриггане. Но ты не поверила, ты сказала, что Аммиас ослеп, ты сказала мне, что я дура, что Джейми в Америке! Вы оба лжецы, ты и Иэн! Пытались защитить этого жалкого труса! Хобарт! – крикнула она, обернувшись. – Хобарт! Иди сюда сейчас же!

– Тише ты! – нетерпеливо прервала ее Джанет. – Ты и есть дура, Лири!

Она дернула ее за рукав, заставив обернуться.

– И разуй глаза! Скажи, ради бога, ты что, не можешь отличить девчонку в бриджах от мужчины?

Джанет задумчиво посмотрела на Брианну.

– Девчонку? – Лири обернулась, нахмурилась и, близоручко прищурившись, посмотрела на Брианну. Потом гнев на ее круглом лице сменился удивлением, и она задохнулась, крепясь. – Святые угодники! Да кто же ты такая, скажи уже, ради бога!

Брианна сделала глубокий вдох, переводя взгляд с одной женщины на другую, и ответила, стараясь, чтобы голос не дрожал:

– Меня зовут Брианна. Я дочь Джейми Фрейзера.

У обеих глаза полезли на лоб. Женщина по имени Лири стала пунцовой, открывая и закрывая рот, тщетно пытаясь найти слова.

Дженни шагнула вперед и схватила Брианну за руки, глядя ей в лицо. Ее щеки порозовели, отчего она стала казаться еще моложе.

– Дочь Джейми? – Она крепко сжала руки Брианны в своих. – Ты правда дочка Джейми?

– Моя мама так говорила.

Брианна почувствовала, как по ее лицу расплывается ответная улыбка. Руки Дженни были прохладными, тем не менее Брианна почувствовала прилив тепла, которое пробежало по рукам прямо в грудь. От платья Дженни шел аромат выпечки и чего-то еще, более обычного, наверное, запах овечьей шерсти.

– Она так говорила, серьезно? – Лири, прищурившись, выступила вперед. – Значит, Джейми – твой отец? А кто же твоя мать, позволь спросить?

Брианна окаменела.

– Его жена, кто же еще?

Лири откинула голову назад и мелодично рассмеялась.

– Кто же еще? – передразнила она. – И в самом деле, кто же еще, девочка? А которая из жен, тебе известно?

Брианна почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а ладони похолодели в руках Дженни. Голову пронзила догад-

ка. «Дура несчастная! Полная дура! Это было двадцать лет назад! Конечно, он женился снова. Конечно. Независимо от того, насколько он любил маму».

За этой мыслью последовала другая, более страшная: «Она нашла его? О, боже, неужели она нашла его с новой женой, и он услал ее прочь? О, боже, где же она?»

Брианна повернулась, желая немедленно броситься, куда глаза глядят. Она не знала ни куда идти, ни что делать, только чувствовала, что должна бежать и найти маму.

– Кажется, вам нужно присесть, кухня. Пройдемте в гостиную, хорошо? – прозвучал в ушах спокойный голос юного Джейми. Он положил руку ей на талию и провел в одну из открытых дверей.

Позади раздавались бормочущие голоса, путанные объяснения и обвинения. И тут Брианна заметила невысокого опрятного человека с лицом, походящим на мордочку Белого Кролика, который удивленно на нее смотрел. Другой мужчина, гораздо выше первого, поднялся навстречу, когда она вошла в гостиную; его простое обветренное лицо выражало участие.

Из сбивчивых объяснений на разные голоса высокий мужчина понял, кто такая Брианна и почему она здесь.

– Дочка Джейми? – Он разглядывал ее с интересом, хотя, казалось, был далеко не так удивлен, как остальные. – Как тебя зовут, *a leannan*?²

² А *leannan* (гэл.) – милая, солнышко (обращение к дочери или девушке, млад-

– Брианна. – Она была слишком расстроена, чтобы улыбнуться.

– Брианна... – Мужчина опустился в низкое кресло, жестом предложив сесть напротив, и тут она заметила, что одна нога у него была деревянной. Он взял девушку за руку и улыбнулся ей; в теплом свете его мягких карих глаз она почувствовала себя под защитой.

– Я – твой дядя Иэн, девочка. Добро пожаловать.

Брианна непроизвольно вцепилась в его руку, которая представлялась ей последним прибежищем. Мужчина не дрогнул и не отстранился, только оглядел ее внимательно; казалось, его позабавило то, как она была одета.

– Ты спала в зарослях вереска? – спросил он, разглядывая пыль и пятна от сока растений на ее одежде. – Видно, ты проделала непростой путь, чтобы разыскать нас, племянница.

– Она только *утверждает*, что она – твоя племянница, – вставила Лири, которая уже оправилась от первого потрясения. Женщина заглянула Иэну через плечо, и ее круглое лицо сморщилось от неприязни. – А вдруг она приехала, чтоб посмотреть, чем тут можно поживиться?

– Чья бы корова мычала, Лири! – тут же парировал Иэн. – Не вы ли с Хобартом полчаса тому назад пытались вытянуть из меня пять сотен фунтов?

Лири поджала губы.

– Деньги мои! Мы договорились, и ты подписал бумагу!

Иэн тяжело вздохнул; очевидно, за сегодняшний день он слышал это не в первый раз.

– Я подписал, – терпеливо произнес он, – и ты получишь деньги, как только Джейми сможет их переслать. Джейми – честный человек, но...

– Да неужели? – Лири презрительно фыркнула. – Двоеженец, по-твоему, может быть честным человеком? Двоеженец, который бросил жену и детей! Похитил мою дочь и убил ее! Честный человек! – Она кинула на Брианну яростный взгляд. – Еще раз спрашиваю, девчонка, как зовут твою мать?

Брианна ошеломленно застыла. Горло сжалось, а руки похолодели, несмотря на тепло, исходившее от ладоней Иэна.

– Кто твоя мать? – повторила Лири.

– Какая разница... – вмешалась Дженни.

Лири обернулась к ней, пылая от гнева.

– Большая! Одно дело, если он обрюхатил какую-то армейскую шлюху, либо горничную, когда жил в Англии, но если...

– Лири!

– Сестра!

– Попридержи язык!

Брианна положила конец протестам, поднявшись с кресла. Она была высокой, как мужчина, гораздо выше любой женщины. Лири поспешно отступила. Все, кто был в комнате, повернулись к ней.

Неспешно, хотя внутри у нее все бушевало, Брианна полезла во внутренний карман пальто, в потайной карман, который зашила всего лишь неделю тому назад.

– Мою мать зовут Клэр, – заявила она и положила на стол ожерелье.

В гостиной воцарилась полная тишина, за исключением тихого потрескивания в очаге. Жемчужное ожерелье поблескивало в лучах весеннего солнца, заглядывающего в окно.

Дженни ожила первой. Двигаясь, как сомнамбула, она протянула руку и коснулась одной из жемчужин. Речной жемчуг, названный «барокко» из-за особой неправильной формы, которую ни с чем не спутаешь.

– О, боже, – прошептала Дженни. Она подняла голову и посмотрела на Брианну; в ее синих глазах стояли слезы. – Как же я рада тебя видеть, племянница!

– Вы знаете, где моя мама? – Брианна переводила взгляд с одного лица на другое, сердце громко стучало в ушах. Лири не смотрела на нее; ее глаза были прикованы к жемчугу.

Дженни с Иэном быстро переглянулись, затем Иэн поднялся, с трудом передвигая деревянной ногой.

– С твоим отцом, – тихо сказал он, ласково коснувшись ее руки. – Не волнуйся, девочка! Они в безопасности.

Брианна подавила желание застонать от облегчения, чувствуя, как узел тревоги в животе медленно распускается.

– Спасибо. – Она попыталась улыбнуться Иэну.

– Это мое! – Лири кивнула на жемчуг. Она больше не злилась, сумев овладеть собой, и стала холодной и сдержанной. Теперь, когда ее лицо не искажала ярость, Брианна поняла, что она когда-то была очень красива и красива до сих пор. Краски лица чуть поблекли, и она немного раздалась в талии, однако держалась по-прежнему прямо и грациозно.

– Ничего подобного, – пылко сказала Дженни, – это ожерелье моей матери, она отдала его Джейми для того, чтобы он передал его жене...

– А его жена – я, – отрезала Лири, одарив Брианну выскомерным взглядом. – Я – его жена, – повторила она. – Джейми женился на мне по доброй воле и обещал заплатить за то, что обошелся со мной так дурно.

Она перевела ледяной взгляд на Дженни.

– Больше года я не видела от него ни единого пенни! Я вынуждена продавать свои вещи, чтобы прокормить дочь, ту, которую он мне оставил. – Лири вздернула подбородок и посмотрела на Брианну. – Если ты его дочь, то должна платить по счетам. Скажи ей, Хобарт!

Хобарт выглядел несколько смущенно.

– Послушай, сестра! – Он накрыл рукой ее ладонь, пытаясь вразумить. – Не думаю, что...

– Точно, ума у тебя с детства нет, чем же тебе думать! – Она раздраженно стряхнула его руку и указала на жемчуг. – Он мой!

Это был чистый рефлекс, – жемчуг сам оказался в руке

Брианны.

– Погодите-ка. – Ее голос прозвучал на удивление твердо. – Я не знаю, кто вы и что произошло между вами и моим отцом...

– Меня зовут Лири Маккензи, твой ублюдочный отец женился на мне четыре года назад и к тому же солгал!

По лицу Лири было видно, что она сдерживается изо всех сил, однако она не кричала, и краска уже схлынула с ее мягких, пухлых щек.

Брианна сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

– В самом деле? Тогда почему мои мать и отец сейчас вместе?

– Он меня бросил.

Слова упали, словно тяжелые камни в стоячую воду; от них пошла рябь бесконечной боли предательства. Юный Джейми открыл было рот, чтобы что-то сказать, – и снова закрыл его, глядя на Лири.

– Он сказал, что больше не может жить со мной под одной крышей и делить со мной постель. – Лири говорила спокойно, как будто выучила текст наизусть. – И ушел. А потом вернулся вместе с ведьмой. Спал с ней у меня под носом.

Лири подняла глаза на Брианну, пытливо всматриваясь в ее лицо, словно пытаясь что-то разгадать. Затем медленно кивнула.

– Это она. Она околдовала его с самого первого дня, как только появилась в Леохе. Из-за нее я превратилась в неви-

димку. Из-за нее он перестал меня замечать.

По позвоночнику Брианны пробежала холодная дрожь, хотя дрова в очаге пылали всюю.

— А потом она уехала. Сказали, что она умерла. Погибла в восстании. А он вернулся домой из Англии, свободный наконец от тяжкого груза. — Лири легонько покачала головой, слепо глядя на Брианну. — Но она вовсе не умерла, и он не был свободен... Я всегда это знала. Всегда. Ведьму мечом не убьешь, их нужно сжигать.

Лири обернулась к Дженни, глядя на нее светлыми голубыми глазами.

— Ты видела ее на нашей свадьбе. Ее тень стояла между мною и Джейми. Ты видела — и мне не сказала. Я потом случайно подслушала, когда ты говорила провидице Мэйзри.

Дженни, побледнев, облизнула губы и хотела ответить, но Лири уже переключилась на Иэна.

— Будь осторожен, Иэн Мюррей. — Она кивнула на Брианну. — Посмотри на нее хорошенько, разве это женщина? Она выше любого мужчины, и одета по-мужски, а руки широкие, как лопаты. Она из любого дух вышибет, если захочет.

Иэн промолчал, хотя его приветливое лицо выглядело обеспокоенным. Юный Джейми сжал кулаки и скрипнул зубами.

— Она дочь ведьмы, мой мальчик, и вы все об этом знаете, — добавила Лири, обведя присутствующих глазами. — Ее сожгли бы в Крейнсмуре, если бы не чары, которыми она

опутала Джейми Фрейзера. Берегитесь, говорю вам, вы пустили в дом неизвестно кого!

Брианна хлопнула по столу широкой ладонью-лопатой, и все взгляды устремились на нее.

– Чушь! – У всех вытянулись лица и приоткрылись рты, но Брианна смотрела только на Лири Маккензи. – Полная чушь! – повторила она и ткнула пальцем в Лири. – Если им и стоит кого опасаться, так это тебя, подлая убийца!

У Лири отвисла челюсть.

– Ты ведь не все рассказала им о Крейнсмуре, так? Маме надо было все же рассказать про тебя, но она сочла, что ты была слишком молода и не ведала, что творишь.

– Что же? – слабым голосом спросила Дженни.

Юный Джейми растерянно посмотрел на отца, который стоял, как громом пораженный, глядя на Брианну.

– Она пыталась убить мою маму. – Брианна не справилась с голосом, произнося эти слова. – Ты ведь пыталась, да? Ты прибежала к ней и сказала, что Гейлис Дункан заболела и зовет ее, и мама пошла к ней, – она всегда шла, если звали к больному, она же врач! Ты знала, что Гейлис собирались схватить за колдовство. Если бы мама была с ней, ее тоже схватили бы! Ты думала, маму сожгут на костре, и Джейми Фрейзер достанется тебе!

Лири побледнела, как смерть. Даже глаза замерли – стали холодными и неподвижными, словно мрамор.

– Я чувствовала, что на нем ее рука, – прошептала она, –

даже в постели. Она всегда лежала между нами и обнимала его, а он вздыхал во сне и звал ее по имени. Она ведьма, я точно знаю.

В комнате было тихо, только шипел огонь в очаге, да за окном щебетала птичка. Хобарт Маккензи наконец очнулся, шагнул вперед и взял сестру за руку.

– Пойдем, *a lennean*, – прошептал он, – пойдем, я отведу тебя домой.

Он кивнул Иэну; тот кивнул в ответ и коротко взмахнул рукой, сумев каким-то образом передать и сочувствие, и сожаление.

Лири, не сопротивляясь, позволила брату увести ее, однако у двери обернулась. Брианна стояла неподвижно, не в силах пошевелиться.

– Говоришь, ты дочь Джейми Фрейзера? – сказала она звонким холодным голосом. – Да, глядя на тебя, можно поверить. Так вот, твой отец – обманщик, лжец, сукин сын и предатель. Уверена, что вы друг друга стоите.

Лири наконец дала Хобарту увести себя. Дверь за ними захлопнулась.

Брианна наклонилась вперед, опершись на ладони и ощутив тяжесть ожерелья, зажатого в руке. Волосы у нее распустились, густая прядь упала на лицо.

Она закрыла глаза, чтобы побороть головокружение, затем почувствовала руку, которая нежно коснулась ее и смахнула с лица прядь волос.

– Просто он ее любил, – прошептала она скорее самой себе, нежели кому-либо еще, – и не забывал о ней.

– Конечно, не забывал.

Брианна открыла глаза и рядом с собой увидела продолговатое лицо Иэна и его добрые карие глаза. Широкая, огрубевшая от работы рука накрыла ее ладони, приятно согревая и утешая.

– Мы тоже не забывали, – добавил он.

– Еще кусочек, кузина Брианна? – Джоан, жена Джейми-младшего, улыбалась ей с противоположной стороны стола, держа наготове лопатку, чтобы положить пирога с крыжовником.

– Нет, спасибо, я правда больше не могу, – запротестовала Брианна, улыбаясь в ответ, – и так вот-вот лопну!

Мэтью и его младший брат Генри громко захихикали, но тут же умолкли под буравящим взглядом бабушки. Оглянувшись, Брианна заметила, что все за столом от взрослых до малышей едва сдерживали смех; похоже, нашли ее короткое замечание бесконечно остроумным.

Их удивляла не ее странная одежда, и даже не сама невеста откуда взявшаяся родственница, решила Брианна, пусть даже такая необычная. Было еще что-то, какая-то незримая радость бежала от одного к другому, словно электрический ток.

Брианна поняла, что это; замечание Иэна расставило все

по местам:

— Мы уж не чаяли, что у Джейми будет собственный ребенок. — Теплоты в улыбке Иэна было достаточно, чтобы растопить любой ледник. — Но ты ведь никогда его не видела?

Она покачала головой, прожевывая последний кусок пирога, и улыбнулась в ответ, несмотря на полный рот. Вот оно что, подумала Брианна, они просто рады за Джейми. Они любили его и теперь счастливы — не за себя, а за него.

У нее на глазах выступили слезы. Дикие обвинения Лирри потрясли Брианну, поэтому большим утешением было понять, что для этих людей, хорошо знавших его, Джейми Фрейзер не был ни лжецом, ни злодеем; он и в самом деле был таким, каким его знала Клэр.

Юный Джейми подумал, что она поперхнулась, и услужливо постучал ее по спине.

— А ты писала дяде Джейми, что приедешь к нам? — спросил он, не обращая внимание на кашель и покрасневшее лицо Брианны.

— Нет, — натужно промычала она, — я не знала, где он.

Брови Дженни поползли вверх.

— Ах да, ты говорила, мы и забыли.

— А вы знаете, где они сейчас? Он и моя мама? — Брианна подалась вперед, стряхивая крошки с воротника.

Дженни встала из-за стола и улыбнулась ей.

— Да, примерно знаем. Если ты поела, пойдем, я дам почитать тебе его письма.

Брианна поднялась, чтобы последовать за Дженни, но у двери замерла. Краем глаза заметив несколько картин на стенах в гостиной, раньше она не успела их рассмотреть из-за нахлынувших чувств и череды бурных событий. Но теперь они висели прямо перед ней.

На одной были изображены двое мальчиков с золотисто-медными волосами, облаченных в нарядные одежды, рядом с огромным псом, высунувшим язык. Старший из мальчиков был высоким и хорошо сложенным, он сидел прямо с гордо поднятым подбородком, положив одну руку на голову собаки, а другую на плечо младшему брату, который стоял у него между коленей.

Однако Брианна смотрела только на младшего из мальчиков. Его лицо было круглым и курносым, щечки румяными и полупрозрачными, как яблоки. Широко распахнутыми голубыми глазами, немного раскосыми, мальчик выглядывал из-под аккуратно расчесанной челки. Картина была написана в классическом стиле восемнадцатого века, но крепкая, коренастая фигурка вызвала невольно у Брианны улыбку, ей захотелось пальцем прикоснуться к его лицу.

– Разве он не прелесть, – нежно сказала она.

– Джейми был прелестным ребенком, но жутко упрямым, – раздался над ухом голос Дженни. – Хоть кол на голове теши. Пойдем, покажу другую картину, тебе понравится.

Второй портрет висел на лестничном пролете, однако смотрелся явно не на своем месте. Богато позолоченная ра-

ма резко отличалась от добротной простой мебели. Картина напоминала те, что выставляют в музеях, в этом уютном доме она смотрелась неуместно.

Потом блики солнца, светящего в окно, исчезли, и картина предстала во всей красе.

Брианна задохнулась и почувствовала, как волосы на руках под рубашкой встали дыбом.

– Она замечательная, правда? – Дженни перевела взгляд с картины на Брианну и обратно, и на ее лице отразилось что-то между гордостью и трепетом.

– Замечательная, не то слово, – выдохнула Брианна.

– Теперь понимаешь, почему мы сразу тебя узнали? – Дженни ласково положила руку на резную раму.

– Да, теперь вижу.

– Это моя мать, твоя бабушка, Эллен Маккензи.

– Я знаю, – кивнула Брианна.

Пылинки, поднявшиеся от их шагов, лениво кружились в лучах дневного света. Брианна будто сама закружилась вместе с ними, утратив чувство реальности.

Двести лет спустя она стояла – то есть будет стоять – перед этим портретом в Национальной портретной галерее, яростно отрицая истину, которую открыл ей Роджер.

С картины на нее смотрела Эллен Маккензи: длинная шея, царственная осанка, раскосые глаза, в которых сверкали веселые искорки, нежный рот... Сходство было не полным: лоб Эллен был более узким, чем у Брианны, подбо-

родок круглее и не так четко очерчен, а выражение лица несколько мягче, черты не такие резкие. Однако сходство определенно было поразительным – и широкие скулы, и точно такие же пышные рыжие волосы. Шея Эллен была обвита ниткой жемчуга в золотых креплениях, казавшихся очень яркими в мягком свете весеннего солнца.

– Кто написал ее? – спросила наконец Брианна, хотя ответ был не нужен. Подпись в музее гласила «Неизвестный художник». Увидев портрет двух маленьких мальчиков, по манере, в которой были написаны волосы и кожа, Брианна поняла, что они принадлежат одной и той же руке, только эта картина написана раньше, когда художник был еще не слишком искусен.

– Моя мать, – гордо ответила Дженни, – она очень хорошо рисовала и писала маслом. Мне всегда хотелось иметь такой же дар.

Брианна почувствовала, что бессознательно накручивает локон на палец; ей вдруг показалось, что бабушка передает ей кисть. Видение было столь явным, что она буквально ощутила в руке гладкую древесину.

«Вот откуда, – в голове словно щелкнуло, потому что кусочек мозаики встал на свое место, – вот откуда у меня это».

Фрэнк Рэндалл всегда шутил, что не смог бы провести и прямой линии, а Клэр вторила, что ничего другого, кроме линий, не рисует. Но у Брианны был дар и линии, и кривой, и света, и тени; теперь она поняла, кто послужил источником

этого дара.

Что еще? Что еще в ней такое, что когда-то принадлежало женщине на картине и мальчику с упрямо склоненной головой?

– Нед Гауэн привез мне ее из Леоха, – сказала Дженни, почтительно дотронувшись до рамы. – Ему удалось ее спасти, когда англичане грабили замок после того, как разбили восстание. – Она слабо улыбнулась. – Нед очень предан семье. Сам он не из горцев, а с равнины, из Эдинбурга, однако считает Маккензи своим кланом. Даже теперь, когда клана больше нет.

– Больше нет? – Брианна пошатнулась. – Они что, все погибли?

В ее голосе прозвучал ужас, и Дженни удивленно подняла голову.

– Ох, нет, девочка моя, я не то имела в виду. Нет Леоха, – тихо добавила она, – и последних, кто возглавлял его, тоже... Дугал и Колум... Они погибли за Стюартов.

Конечно, Клэр говорила. Брианна искренне жалела этих незнакомцев, связанных с ней недавно обретенными кровными узами. Она с усилием проглотила ком в горле и пошла за Дженни вверх по лестнице.

– А Леох был красивым замком?

Тетя помедлила, задержав руку на перилах.

– Не знаю, – сказала она, с сожалением глядя вниз на портрет Эллен. – Я там ни разу не была, а теперь его нет.

Вход в спальню на втором этаже напоминал подводный грот. Комната была небольшой, как и все комнаты в доме, с низкими балками, закопченными от дыма, зато стены были свежeweыбелены, а сама комната наполнена зеленоватым светом, льющимcя из двух больших окон cквозь листья пышно разросшегося шиповника.

Тут и там блестели какие-то безделушки, словно рыбки в воде, озаренной лунным светом; на коврике перед камином лежали брошенная детьми раскрашенная кукла и китайская шкатулка. На столе стоял бронзовый подсвечник, на стене висела небольшая картина.

Дженни сразу подошла к большому шкафу, который стоял в углу комнаты, и встала на цыпочки, чтобы достать сверху большую шкатулку в марокканском стиле. Когда она подняла крышку, Брианна прищурилась – в глаз попал солнечный зайчик, словно на солнце блеснул драгоценный камень.

– Вот, – сказала Дженни, достав толстую стопку запачканной бумаги, и передала ее Брианне. Письма долго путешествовали по свету, а затем, судя по всему, их много раз перечитывали. В углу одного из листков сохранилось грязное пятно от сургуча. – Письма приходят из колонии в Северной Каролине, но они живут далеко от города. Джейми иногда пишет по вечерам, когда есть время, а потом отправляет все скопом либо вместе с Фергусом, либо еще с кем, кто едет в Кросс-Крик. Впрочем, Джейми и не любит писать. Да и это

не слишком легко ему дается после того, как он сломал руку.

Судя по спокойному лицу тети, та ничего не знала.

– Садись, девочка моя, – ласково сказала Дженни, предлагая Брианне на выбор стул или кровать.

– Спасибо, – пробормотала та и села на стул.

Выходит, Дженни не все знала о Джейми и Черном Джеке Рэндалле? Мысль о том, что она знает об отце, которого никогда не видела, такие вещи, которых не знает даже его любимая сестра, поразила Брианну.

Она видела этот почерк и раньше – теснящиеся друг к другу крупные буквы с круглыми завитками, – но тому документу минуло двести лет, чернила поблекли, к тому же тогда он старался и выводил буквы, а в письмах чувствовал себя более раскованно. Строки, написанные словно курица лапой, бегали по странице, пьяно обвисая на концах.

«Фрейзер-Ридж, понедельник, 19 сентября

Моя дорогая Дженни!

Мы все пребываем в добром здравии, надеюсь, что это письмо застанет и всех вас в том же состоянии.

Твой сын шлет тебе самый ласковый и почтительный привет и просит, чтобы ты передала его отцу, братьям и сестрам. Он просит тебя передать Мэтью и Генри, что посылает им один предмет, который являет собой сохранившийся череп животного под названием «дикобраз», потому что на спине у него растут огромные иголки (он совсем не похож

на обычного маленького ежа, которого вы все знаете; дикобраз по размеру намного больше и умеет стрелять иголками в недругов).

Еще посылаю небольшой подарок для тебя: узор выложен из иголок того самого дикобраза, индейцы окунают их в сок каких-то растений, а потом делают подобные вещи, одна из которых лежит перед тобой.

Клэр недавно довелось вести занимательную беседу – если можно назвать беседой общение, состоящее из жестов и ужимок (она настаивает, чтобы я отметил, что ее мимика отнюдь не является ужимками, однако мне виднее, потому что я имел счастье наблюдать, какие рожи она корчила) – беседу с пожилой индеанкой из Анна-Уки, которую в этих местах почитают как целительницу, и она дала ей много таких растений. В результате ее пальцы в настоящее время совсем фиолетовые, я считаю, что это очень красиво».

«Вторник, 20 сентября

Сегодня я был очень занят ремонтом сарая, в котором мы запираем на ночь коров, свиней и прочую живность, чтобы защитить их от бесчинств медведей, которые водятся здесь в изобилии. По пути в уборную этим утром я набрел на большой след от лапы, в длину больше моей стопы. Наши животные здорово разволновались, в чем я, разумеется, не могу их винить.

Только прошу, не переживайте за нас. В этой стране бурые

медведи опасаются людей и даже не приближаются. Кроме того, наш дом хорошо укреплен, и я запретил Иэну выходить за пределы после наступления темноты, а еще он всегда носит с собой оружие.

С оружием дело обстоит теперь лучше прежнего: Фергус недавно привез из города новые ружья и несколько превосходных ножей.

Есть у нас большой котел, приобретение которого мы отметили с размахом: наготовили много вкуснейшего рагу из оленины с зеленым луком и сушеными бобами, а также добавили каких-то штук, похожих на помидоры, засушенных с лета. Так как все остались живы и здоровы, приговорив все рагу, Клэр, вероятно, права, и эти помидоры не ядовиты».

«Среда, 21 сентября

Опять приходил медведь. Я нашел следы в саду Клэр, на недавно взрыхленной земле. Похоже, зверь искал, чем поживиться, перед тем, как впасть в зимнюю спячку, и захотел раздобыть в рыхлой земле несколько личинок.

Я поселил свинью в кладовую, так как она вот-вот опоросится. И Клэр, и свинья соседством недовольны, но свинья — животное ценное, я отдал за нее три фунта.

Сегодня приходили четверо индейцев. Их племя называется тускарора. Дикари выразили решимость поймать нашего ночного визитера, и я подарил им табак и нож, которым они остались очень довольны.

Все утро они сидели под навесом у нашего дома, курили и вели неспешную беседу, а около полудня стали собираться на охоту. Я спросил, куда они планируют отправиться, ведь медведь, кажется, полюбил наше общество, возможно, было бы лучше залечь где-то неподалеку и подождать, пока животное вернется.

В ответ мне сообщили, выражая голосом и жестами самое доброе снисхождение, что помет животного явно говорит о том, что зверь покинул эти края и взял курс на запад.

Не в состоянии оспорить столь авторитетное мнение, я пожелал им удачи и сердечно попрощался с охотниками. Я не мог сопровождать их, поскольку у меня все еще оставались неотложные дела, зато Иэн и Ролло отправились с ними, уже не в первый раз.

Я зарядил новое ружье и оставил его под рукой – вдруг наши друзья все же ошиблись, считывая намерения медведя».

«Четверг, 22 сентября

Прошлой ночью я проснулся от ужасного шума. В деревянные стены кто-то так громко скребся и стучал, что я выскочил из кровати, уверенный, что рушится дом.

Свинья, почуяв близость врага, вырвалась из кладовой, снеся дверь (которая, надо сказать, была довольно прочной), и укрылась под нашей кроватью, оглушительно визжа. Я понял, что медведь рядом, схватил ружье и выбежал на улицу.

Была лунная ночь, хотя и немного туманная, и я хоро-

шо видел нарушителя спокойствия: большой темный силуэт медведя, стоявшего на задних лапах, возник рядом, ростом с меня и (говорят, у страха глаза велики) раза в три шире.

Я выстрелил в него. Тогда он встал на четвереньки и резво припустил в близлежащий лесок. Он скрылся прежде, чем я успел перезарядить ружье.

Днем я поискал на земле следы крови, но не нашел, так что не могу сказать, попал ли мой выстрел в цель. Стена дома украсилась теперь несколькими глубокими царапинами от медвежьих когтей.

Нам пришлось приложить некоторые усилия, чтобы убедить свинью (это белая свинья внушительных размеров, обладающая скверным нравом и довольно зубастая) выйти из-под кровати и проследовать в кладовую. Свинья сперва идти не желала, однако доводы в виде кукурузного початка, сунутого ей под нос, и метлы, которой я самолично подталкивал ее сзади, смогли ее убедить».

«Понедельник, 26 сентября

Иэн и его краснокожие соратники вернулись ни с чем, добыча ускользнула. Я показал им царапины на стене, отчего они пришли в возбуждение и затараторили с такой скоростью, что я не разобрал ни слова.

Один из индейцев снял с ожерелья из звериных зубов, что висело у него на шее, один клык и торжественно вручил его мне, сказав, что теперь Медвежий дух защитит меня от вре-

да. Я принял талисман с надлежащим трепетом; в обмен пришлось подарить горшок с медом, приличия были соблюдены.

Клэр, которая подносила им горшок с медом, наметанным глазом определила, что одному из них совсем плохо – тяжелый взгляд, кашель и больной вид. Ему было слишком худо, чтобы продолжать путь, поэтому мы уложили его в амбаре.

Свинья опоросилась в кладовой, произведя на свет десяток поросят, все здоровые и деятельные, аппетит у них слава богу. А нам придется подтянуть пояса, потому что свинья злобно нападает на каждого, кто осмелится открыть дверь, при этом вопит и скрежещет зубами. На ужин мне дали одно яйцо и сообщили, что больше мне ничего не светит, пока не отыщу выход из сложившейся ситуации».

«Суббота, 1 октября

Сегодня нас ожидал большой сюрприз. К нам прибыли двое гостей...»

– Дикое место!

Брианна удивленно подняла взгляд. Дженни кивнула на письмо, не сводя глаз с Брианны.

– Дикари, медведи, какие-то дикобразы... Живут в крошечной хижине, совсем одни, высоко в горах... – Она встревоженно смотрела на Брианну. – Ты все еще хочешь поехать к ним?

Брианна вдруг поняла – Дженни опасалась, что она пере-

думает и не поедет, что ее остановит мысль о долгом путешествии и опасностях. Местность, о которой повествовали строки письма, вдруг предстала перед ее взором, однако не менее реальным казался ей образ человека, написавшего их.

– Конечно, хочу! Поеду, как только смогу.

Лицо Дженни расслабилось.

– Что ж, хорошо, – сказала она и протянула руку, показав Брианне небольшой кожаный мешочек, расшитый иглами дикобраза, окрашенными в красные и черные цвета, и несколькими перьями, которые для контраста оставили в их естественной сероватой гамме. – Вот тот подарок, что он послал мне.

Брианна взяла вещицу в руки, восхищаясь сложностью узора и мягкой выделкой оленьей шкуры.

– Очень красиво.

– Да, очень. – Дженни отвернулась, зачем-то перебирая безделушки на книжной полке, а затем сказала отрывисто: – Останешься ненадолго?

Брианна удивленно посмотрела на нее.

– Останусь ли я?

– Хотя бы на пару дней. – Дженни повернулась; яркий свет, льющийся из окна, не давал разглядеть лицо. – Я знаю, ты спешишь, но хочется поговорить с тобой хотя бы немного.

– Конечно, – сказала Брианна. – Конечно, останусь.

На губах Дженни заиграла улыбка.

– Вот и славно, – тихо промолвила она.

Дженни смотрела на племянницу, и улыбка расплзалась по ее лицу все шире.

– Боже правый, до чего же ты похожа на Джейми.

Оставшись в одиночестве, Брианна вернулась к письму, перечитав начало. Комната медленно растворялась, в то время как Джейми Фрейзер постепенно оживал. Его голос так отчетливо звучал у нее в голове, словно он сам стоял перед ней, и солнце, заглядывающее в окно, сверкало в его медных волосах.

«Суббота, 1 октября

Сегодня нас ожидал большой сюрприз. Прибыли двое гостей из Кросс-Крика. Думаю, я рассказывал тебе про лорда Джона Грея, с которым я познакомился в Ардсмуре. Зато, по-моему, я не говорил, что потом встречал его на Ямайке, где он служил губернатором от Короны.

Грей, пожалуй, последний человек, которого я ожидал увидеть в нашем закоулке, где мало следов цивилизации, не говоря уже о богато обставленных залах и прочей роскоши, к которым он привык. Конечно, мы очень удивились, увидев на пороге такого гостя, но сразу же пригласили войти.

Его привела к нам скорбь. Жена лорда погибла во время путешествия на корабле, заразившись лихорадкой, когда плыла с сыном из Англии. Грей испугался, что тропический климат окажется губителен для мальчика, и решил отпра-

вить его в Вирджинию, где у семьи обширные владения, да и самому поехать с ним, – парень, недавно потерявший мать, был сильно удручен.

Я выразил изумление и благодарность за то, что они сделали такой крюк, чтобы навестить нас, но его светлость прервал мои излияния, пояснив, что хотел показать парню все богатство и разнообразие этой страны. Сам мальчик больше всего на свете мечтает встретить индейцев, в этом отношении он напоминает мне Иэна, когда тот только прибыл сюда.

Сын лорда Джона высок и хорошо сложен для своих лет, ему около двенадцати. Он еще несколько грустит после смерти матери, но манеры у него приятные, кроме всего прочего, он граф (лорд Джон его отчим, полагаю, а его отец был графом Элсмиром). Его зовут Уильям».

Брианна перевернула страницу, ожидая продолжения, однако письмо на этом обрывалось. Потом Джейми не писал несколько дней. Следующее письмо было датировано 4 октября.

«Вторник, 4 октября

Индеец в амбаре умер, несмотря на усилия Клэр. Все лицо, тело, руки и ноги у него покрылись сыпью, вид ужасный.

Клэр полагает, что он страдал от кори, и очень беспокоится, потому что болезнь заразная и быстро распространяется. Она никому не разрешает приближаться к телу, все де-

лает сама – мол, для нее это безопасно, она защищена какими-то чарами, но мы все же собрались около полудня. Я выбрал несколько подходящих случаю страниц из Писания, и мы прочли молитву за упокой его души – хочется верить, что даже некрещеный дикарь обретет вечный покой милостью божией.

Не знаю, как поступить с бренными останками этого бедняги. Я бы, конечно, отправил Иэна, чтобы он привел своих приятелей, и те похоронили его согласно их обычаям. Но Клэр говорит, что этого ни в коем случае делать нельзя, само тело еще распространяет заразу и может навлечь страшное бедствие. Хотя она предлагает нам самим похоронить или сжечь тело, мне не хотелось бы предпринимать действия, которые могут насторожить его товарищей, – вдруг они подумают, что мы уничтожили тело, потому что хотели скрыть следы насильственной смерти.

Я ничего не сказал о наших гостях. Если действительно окажется, что им угрожает опасность, я тут же отправлю их прочь. Конечно, жаль будет лишиться их общества, ведь мы живем очень уединенно. Пока мы отнесли тело индейца в небольшую пещеру неподалеку в горах, где я думал устроить конюшню или склад.

Я прошу прощения за то, что нагружаю вас своими проблемами, наверняка вы все станете волноваться. Надеюсь, в конце концов все будет хорошо, но теперь, стоит признаться, я здорово беспокоюсь. Если возникнет малейшая опасность

либо со стороны индейцев, либо из-за болезни, я отправлю это письмо с нашими гостями, и вы непременно его получите.

Если все уладится, сразу же напишу.

Твой любящий брат Джейми Фрейзер».

У Брианны во рту пересохло. К письму прилагались еще два листка, которые, как назло, плотно приклеились друг к другу, так что у нее не сразу получилось их прочесть.

«Постскриптум, 20 октября

Мы все в безопасности, хотя и находимся в весьма подавленном настроении, о причинах я напишу позже, сейчас на это нет сил.

Иэн переболел корью, как и лорд Джон. Оба уже выздоровели, и Клэр велит мне сказать, что с Иэном все будет хорошо, тебе не стоит за него опасаться. Он напишет своей рукой, чтобы подтвердить мои слова.

Д.»

Последнее письмо было написано аккуратным ученическим почерком, хотя страница была усеяна кляксами – то ли из-за слабости писавшего, то ли просто попало плохое перо.

«Дорогая мама!

Я болел, но теперь все хорошо. У меня была лихорадка, и мне снились престранные сны, полные забавных вещей. Ко мне приходил большой волк, который говорил со мной человеческим голосом. Тетя Клэр говорит, что это, должно быть, Ролло, который не отходил от меня все время, пока я болел. Он хороший пес и кусается не очень часто.

От кори у меня по всему телу пошла сыпь, и я ужасно чесался, как будто угодил в муравейник или разворошил осиное гнездо. Голова казалась раза в два больше, чем обычно, и чихал я оглушительно. А сегодня съел на завтрак три яйца и кашу и два раза сам сходил в уборную, так что все хорошо, хотя сначала я подумал, что ослеп из-за болезни, потому что, когда вышел на улицу, не видел ничего, кроме яркого света, но тетя сказала, что это пройдет, и все прошло.

Я еще напишу потом, а то Фергус ждет, чтобы забрать письмо.

Ваш послушный и преданный сын, Иэн Мюррей.

Постскрипtum: череп дикобраза – подарок для Генри и Мэтти, надеюсь, он им понравится».

Брианна немного посидела, не двигаясь; стена приятно холодила спину. Она рассеянно поглаживала страницы письма и смотрела на книжный шкаф, в котором аккуратными рядами стояли книги в кожаных переплетах. Ей в глаза бросились золоченые буквы с одного из переплетов – «Робинзон

Крузо».

Дикое место, сказала Дженни. К тому же опасное, где жизнь может измениться в одну секунду, где после смешных проблем вроде свиньи в кладовке приходится сталкиваться с настоящими угрозами вроде гибели от болезни или от насилия.

— А я-то думала, это здесь люди ведут примитивный образ жизни, — пробормотала Брианна, глядя на тлеющий в очаге огонь.

«Не такой уж и примитивный», — подумала она, когда Иэн провел ее через скотный двор мимо хозяйственных построек. Везде поддерживался порядок, стены были хорошо законопачены, пусть и слегка потертые, цыплят запирали во дворе птичника, а облако из мух позади сарая свидетельствовало о наличии выгребной ямы, расположенной вдалеке от дома.

Единственное реальное различие между этой фермой и современными заключалось в отсутствии проржавевшей сельскохозяйственной техники; лишь у амбара стояла лопата, да два или три старых плуга лежали у сарая, мимо которого они проходили, зато не было ни запутанной проволоки, ни разбросанных железяк.

Животные выглядели здоровыми, хотя по размеру были несколько меньше, чем те, к которым привыкла Брианна. Громкое блеяние подсказало ей, что в хозяйстве имелось небольшое стадо овец, они гуляли по небольшому пастбищу

на склоне холма, издалека напоминая шерстяное озеро. Заметив Брианну с Иэном, когда те подошли поближе, овцы сбежались к изгороди и не сводили с них желтых глаз.

– Совсем избаловались, – сказал Иэн с улыбкой. – Считают, что люди подходят к ним только затем, чтобы накормить. – Все моя жена, – добавил он, обернувшись к Брианне. – Носит им сорняки с огорода, закармливает так, что они скоро лопнут.

Крупный баран с закрученными рогами просунул голову через изгородь и оглушительно проблеял, и стадо тут же откликнулось эхом.

– Потише, Хью, – снисходительно ухмыльнулся Иэн, – тебя пока еще не забили, но скоро день настанет.

Он отмахнулся от барана и продолжил путь.

Брианна отступила на шаг, восхищенно за ним наблюдая. Иэн носил килт как-то совсем по-другому, не так, как все прочие, кого она до сих пор встречала, – вполне сознательно, как форму или знак отличия; Иэн носил его так, словно килт был не одеждой, а частью его самого.

И все же Брианна догадалась, что Иэн нечасто надевал килт. Дженни вытаращилась на него, когда он вышел к завтраку, а затем склонила голову над чашкой, пряча улыбку. Юный Джейми приподнял брови, увидев отца, но тут же потянулся за колбасой, слегка пожав плечами и выразительно хмыкнув, как хорошо умели все шотландцы.

Килт был старый, издававший виды, слегка потертый на

складках и на подоле. После разгрома в битве при Каллодене его спрятали вместе с пистолетами и мечами, с трубами и волынками – символами попорченной чести.

Нет, они совсем не покорились, подумала Брианна со странной тяжестью на сердце. Она вспомнила, как Роджер Уэйкфилд опустился на корточки рядом с ней под серым небом на поле боя в Каллодене, и его худое лицо потемнело от осознания, сколько людей полегло здесь в свое время.

– У шотландцев хорошая память, – сказал он тогда, – они ничего не забывают. Видишь, могильный камень клана Маккензи, сколько имен на нем высечено? Это все мои предки.

Он невесело улыбнулся.

– Я, конечно, принимаю это не так близко к сердцу, как некоторые, но все же я не забыл.

Нет, они не покорились. Даже через тысячу лет борьбы и предательства, даже сейчас. Побеждены, рассеяны по свету, однако все еще живы. Как Иэн, искалеченный, но живущий с гордо поднятой головой. Как ее отец, высланный из страны, но в сердце остающийся горцем.

Она приказала себе не думать о Роджере и поспешила нагнать прихрамывающего Иэна.

Худое лицо Иэна засветилось от удовольствия, когда Брианна попросила его показать ей Лаллиброх. Договорились, что через неделю юный Джейми отвезет ее в Инвернесс и убедится, что она благополучно разместилась на борту суд-

на, отбывающего в колонии. А пока ей предстояло провести время здесь.

Несмотря на деревянную ногу Иэна, они быстро шагали через поля к небольшому холму, который виднелся на севере. Красивое место, подумала Брианна: нежно-зеленые поля, волнами переливающиеся в лучах весеннего солнца, стебли овса и ячменя, пригибаемые к земле легким ветерком...

По одному из полей пролегли длинные темные борозды, а на краю высилась груда аккуратно уложенных камней.

– Пирамида? – спросила Брианна, понизив голос в знак уважения. Клэр рассказывала, что шотландцы устраивают такие пирамиды в память о погибших; иногда они получаются очень большими, ведь каждый из посетителей укладывает в нее новый камень.

Иэн посмотрел на нее с удивлением, затем усмехнулся.

– Ах, нет, девочка. Эти камни мы выбираем из земли по весне, когда пашем плугом. Каждый год мы выбираем их, и каждый год находятся все новые. Будь я проклят, если знаю, откуда они берутся, – добавил он, покачивая головой. – Не иначе, каменные феи прилетают по ночам и разбрасывают их.

Брианна не поняла, шутит ли он, поэтому предпочла задать другой вопрос:

– А что вы тут посадите?

– Уже посадили. – Иэн поднес руку к глазам и горделиво посмотрел вдаль. – Мы посадили здесь тоффи. К концу ме-

сяца должны появиться всходы.

– Тоффи? Ах, картофель! – догадалась Брианна и заинтересованно посмотрела на поле. – Мама мне говорила.

– Да, это идея принадлежала твоей матери. Очень хорошая идея, надо сказать. Много раз тоффи спасал нас от голода.

Путь получился долгим. День стоял свежий, но теплый, и Брианна вся вспотела к тому времени, когда они наконец остановились посередине тропинки, пролегающей через заросли вереска. Узкую тропу преградил большой валун, слева шел вверх крутой склон, а справа – не менее крутой обрыв.

Иэн остановился, вытирая лоб рукавом, и жестом пригласил Брианну присесть на камень. Вся долина лежала перед ними, как на ладони; отсюда дом казался игрушечным осколком цивилизации, случайно заброшенным в бескрайнюю скалистую пустыню, поросшую вереском.

Иэн развязал мешок, который захватил с собой, достал бутылку и зубами вытащил пробку.

– Спасибо твоей маме, – ухмыльнулся он, передавая ей бутылку. – Я имею в виду, что у меня еще есть зубы.

Он высунул кончик языка и медленно провел им по зубам, запрокинув голову.

– Да уж, мне пришлось потерпеть, но я не жалеюсь, ведь большинство мужчин в моем возрасте кроме жидкой овсянки ничего другого в рот взять не могут.

– Когда я была маленькой, она заставляла меня грызть

овощи и чистить зубы после еды. — Брианна взяла у него бутылку и отхлебнула. Эль оказался крепким и прохладным — то, что нужно после долгой прогулки.

— Ты была маленькой, вот как? — ухмыльнулся Иэн, окинув ее взглядом. — Никогда не видел такой рослой девицы. Ну, твоя мама знала, что делала.

Брианна улыбнулась и протянула бутылку.

— Надеюсь, что знала, когда выходила замуж за каланчу, — едко заметила она.

Иэн рассмеялся, утер рот тыльной стороной ладони и ласково посмотрел на Брианну теплыми карими глазами.

— Знаешь, девочка, ты очень на него похожа. Все на свете отдал бы, чтобы поглядеть на Джейми, когда он тебя увидит.

Брианна опустила глаза, закусив губу. Землю покрывал толстый ковер из папоротника, ветви деревьев загораживали тропинку, по которой они поднялись.

— Я не знаю, в курсе ли он, что я вообще существую, — прошептала она и подняла глаза на Иэна. — Вам же он не рассказывал.

Иэн, нахмурившись, прислонился спиной к камню.

— Не рассказывал... Может, у него просто не было времени. Его здесь долго не было, а в последний раз он приезжал вместе с Клэр. Потом все закрутилось, столько всего произошло... — Иэн замолчал, прикусив губу. — Твоя тетя очень переживает, думает, что ты винишь ее.

— За что? — поразилась Брианна.

– Из-за Лири.

При воспоминании о светлых глазах, неподвижных, словно мрамор, пока Лири произносила ужасные слова, по спине у Брианны пробежал холодок. Она пыталась не придавать им значения, однако слова «обманщик, лжец, сукин сын и предатель» все еще стояли в ушах.

– А какое отношение тетя Дженни имеет к Лири?

Иэн тяжело вздохнул и отбросил со лба упавший локон темных волос.

– Именно она настояла, чтобы Джейми женился на этой женщине. Но она ведь желала добра, понимаешь? Мы все думали, что Клэр погибла много лет назад.

В его словах подспудно таился вопрос, однако Брианна сделала вид, что не заметила. Она опустила взгляд, разглаживая бриджи на коленке. Лучше не ступать на зыбкую почву.

Помолчав, Иэн продолжил:

– Это случилось после того, как Джейми вернулся из Англии. Он провел в заточении несколько лет после того, как разгромили восстание...

– Я знаю.

Иэн удивленно приподнял брови, но ничего не сказал, лишь покачал головой.

– Что ж... И вернулся совсем другим. Что ж, вполне понятно. – Он горько улыбнулся и опустил глаза, пальцами разглаживая складки на килте. – Словно призрак, – тихо доба-

вил Иэн, – вроде и смотрел, и улыбался, и отвечал, а сам как будто все время был где-то в другом месте.

Он глубоко вздохнул, и Брианна заметила морщинки, что пролегли у него меж бровями.

– Перед Каллоденом он был не таким. Конечно, он был серьезно ранен и потерял Клэр. – Иэн взглянул на Брианну; она молчала, тогда он продолжил: – Но то было время отчаяния: много народу полегло в сражениях, от голода и болезней, и повсюду рыскали английские солдаты. В такое время желание умереть не возникает просто из-за того, что все силы положены на борьбу за сохранение семьи.

По губам Иэна скользнула улыбка, горестные воспоминания отступили.

– Джейми прятался здесь, – он показал рукой на холм, что высился над ними. – За кустами дрока спрятана крошечная пещера. Я затем и привел тебя, чтоб показать.

Брианна посмотрела вверх на каменистый склон, поросший вереском. Вход в пещеру было не разглядеть, но куст дрока, усыпанный желтыми цветами, стоял словно горящий факел.

– Однажды, когда Джейми заболел малярией, я принес ему поесть. Я сказал, что ему лучше спуститься со мной и пойти в дом, потому что Дженни боится, что он умрет здесь наверху в полном одиночестве. Тогда он приоткрыл один глаз, который блестел от лихорадки, и хрипло сказал – я едва сумел разобрать слова, – что даже если весь мир сговорится

его погубить, он не станет облегчать им задачу, пусть Дженни не волнуется. А потом закрыл глаз и захрапел.

Иэн покосился на Брианну.

– Я не испытывал такой уверенности, как сам Джейми, так что остался с ним на ночь. Но он выкарабкался. Упрямый парень.

Брианна резко встала и направилась вверх по склону. Иэн не стал возражать, а остался сидеть на камне, наблюдая за ней.

Подъем оказался крутой, за чулки цеплялись колючки. У пещеры ей пришлось ползти на четвереньках. В пещеру вело треугольное отверстие. Брианна, стоя на коленях, просунула в щель голову и плечи.

Внутри было очень холодно, она почувствовала сырость на щеках. Вскоре глаза привыкли к темноте. Тусклый грязный грот был около восьми футов в длину и шести в ширину, потолок нависал так низко, что стоять можно было только рядом у входа. Если оставаться внутри долго, наверняка почувствуешь себя заживо погребенным.

Брианна быстро высунула голову и несколько раз глубоко вдохнула свежего весеннего воздуха. Сердце стучало как бешеное.

Семь лет! Семь лет он жил здесь, в холоде, голоде и грязи.
Я бы не выдержала и семи дней.

«Ты считаешь?» – возразил внутренний голос. А потом снова в мозгу что-то щелкнуло, пришло то же самое осозна-

ние, что Брианна почувствовала, когда смотрела на портрет Эллен и ощутила, как ее пальцы сомкнулись на невидимой кисти.

Она медленно обернулась и села перед входом в пещеру. Вокруг было очень тихо, однако тишина, царившая над поросшими лесом холмами, состояла из непрерывных маленьких звуков. В кусте дрока неподалеку жужжали пчелы, опыляющие желтые цветы. Далеко внизу потрескивал огонь, ему вторил шум ветра над головой, шелестели листья на деревьях, вздыхали каменные валуны.

Брианна сидела неподвижно, слушала и думала. Она поняла, что обрел здесь Джейми Фрейзер.

Не одиночество, но уединение. Не страдание, но выносливость, почти кровную связь с небом и горами. В этом суровом уголке природы, несмотря на физические лишения, исцелялась душа.

Он обрел в пещере не могилу, а убежище; он черпал от камней силу, как Антей черпал силу от земли. Он, который родился здесь, был частью этого места, а Брианна, которая никогда прежде не видела отца, была частью его.

Иэн терпеливо ждал внизу, сложив руки на коленях и глядя на раскинувшуюся внизу долину. Брианна протянула руку и аккуратно отломилла веточку дрока, памятуя о шипах. Она положила ее у входа в пещеру, прижав небольшим камнем, затем встала и осторожно пошла вниз по склону.

Иэн, наверное, слышал ее шаги, но не обернулся. Брианна

села рядом с ним.

– Теперь можно его носить? – Она кивнула на килт. – Это не опасно?

– Нет. – Иэн смотрел вниз, поглаживая пальцами мягкую потертую шерсть. – В последний раз солдаты заглядывали сюда несколько лет назад. Что тут еще осталось?

Он указал жестом на долину.

– Они забрали все мало-мальски ценное и уничтожили то, что не могли унести. Кроме земли, здесь ничего нет. А земля им особо не нужна.

Брианна поняла, что ему очень горько, хотя на лице у Иэна не отражалось никаких чувств. Некоторое время она наблюдала за ним, потом тихо промолвила:

– Вы еще здесь. Вы с Дженни.

Его пальцы, стиснувшие ткань, разжались, ладони спокойно легли на килт. Прикрыв глаза, Иэн повернул усталое обветренное лицо к солнцу.

– Да, это так. – Он снова открыл глаза и повернулся к Брианне. – Ты тоже. Вчера вечером мы немного поговорили с твоей тетей. Когда увидишь Джейми, и если вы поладите, то спроси у него, что нам делать.

– Что вам делать?

– С Лаллиброхом. – Иэн махнул на долину и дом внизу. Он озабоченно посмотрел на Брианну. – Может, тебе известно, а может, и нет, что твой отец перед битвой под Каллоденом завещал все Джейми-младшему, если его убьют или

казнят, как предателя. Это было до твоего рождения, тогда он не знал, что у него есть дочь.

Брианна встревожилась, поняв, к чему он клонит, и положила руку ему на плечо. Иэн удивился прикосновению.

– Я не за этим приехала, дядя, – сказала она. – Лаллиброх не принадлежит мне, и он мне не нужен. Я приехала лишь для того, чтобы повидать отца. И маму.

Лицо Иэна разгладилось. Он накрыл своей рукой ее ладонь, лежавшую на его плече, подержал немного, затем выпустил.

– Что ж, тогда не говори ему ничего. Если он сам захочет...

– Не захочет, – прервала Брианна.

В темных глазах Иэна заплясал озорной огонек.

– Откуда ты знаешь, чего захочет Джейми, ты ведь его ни разу не видела.

Она улыбнулась в ответ. Теплое весеннее солнце пригревало ей плечи.

– Просто знаю.

Широкая улыбка осветила лицо Иэна.

– Наверное, мама тебе много о нем рассказывала. А она хорошо его чувствовала, саксоночка... Она ведь всегда была... особенной.

– Да. – Брианне хотелось побольше узнать об истории с Лири, но она не решалась спросить. И не успела ничего придумать, – Иэн поднялся и стал спускаться; ей пришлось по-

следовать за ним.

– А что она имела в виду под тенью? – спросила девушка, глядя ему в затылок. Все внимание Иэна было сосредоточено на тропинке, но она заметила, что он слегка пошатнулся, когда деревянная нога заскользила по склону.

– Ты говоришь о Лири? – Не дожидаясь кивка, Иэн зашагал к ручью, который весело бежал у подножия холма, спотыкаясь о камни. – Тень – это дух человека, она является, когда сам человек далеко. Иногда тень является, когда человек уже умер, иногда – когда просто уехал. Говорят, видеть чужую тень – к несчастью, а если повстречаешься с собственной, значит, скоро умрешь.

Его голос звучал так обыденно, что у Брианны мороз пробежал по коже.

– Надеюсь, что не встречу. Но она сказала, эта Гири... – Брианна запнулась на имени.

– Лири, – поправил Иэн. – Ну да, тетя Дженни видела тень твоей мамы на свадьбе Лири и Джейми, это правда. Она знала, что это плохой знак, но было уже поздно что-либо предпринимать.

Он неуклюже опустился на здоровое колено и зачерпнул воды из ручья, чтобы умыться. Последовав его примеру, Брианна зачерпнула полные пригоршни холодной бодрящей воды и ополоснула лицо. Поскольку у нее не было полотенца, она вытащила из бриджей подол рубашки и вытерлась им. И тут она поймала на себе возмущенный взгляд дяди Иэна,

видимо, вызванный созерцанием ее голого живота. Брианна поспешно заправила рубашку, страшно покраснев.

– Расскажи, почему отец женился на ней? – попросила Брианна, пытаясь скрыть смущение.

– Ах, да. Я же говорил тебе, когда Джейми вернулся из Англии, жизнь в нем словно угасла, и ничто не могло разжечь ее снова. Не знаю, что там произошло в этой Англии; что-то было, это точно. – Иэн пожал плечами, на шее сзади открылась полоска загорелой кожи. – После Каллодена его подкосило, но тогда нужно было бороться, и это придавало ему сил. А когда он вернулся из Англии, ему нечем было заняться. Вот Дженни и похлопотала, чтобы им с Лири сговориться.

Иэн проницательно посмотрел на Брианну.

– Ты уже взрослая, должно быть, ты знаешь, хоть ты и не замужем, что происходит между мужчиной и женщиной. Что он может сделать для нее, что она для него. Я имею в виду, исцелить, заполнить пустоту... – С отсутствующим видом он барабанил пальцами по деревянной ноге. – Наверное, Джейми женился на ней из жалости, но если бы он в самом деле был ей так нужен... Ох...

Иэн пожал плечами и улыбнулся.

– Что пользы рассуждать о том, как могло быть... Он ушел от Лири еще до того, как вернулась твоя мама, остальное тебе не важно.

Брианна почувствовала облегчение.

– Он был очень счастлив увидеть ее, – искренне сказал Иэн; широкая улыбка, как солнце, озарила его лицо. – Я тоже.

Глава 35

Von voyage³

Брианну неприятно кольнуло воспоминание о Бостонском приюте для собак: просторное темное помещение, напоминающий собачье тьяканье скрип стропил и душный воздух, пахнувший животными. В большом доме на рыночной площади в Инвернесе собралось множество людей: поставщики продуктов питания, торговцы скотом, страховые агенты, судовые поставщики, рекрутеры в военно-морской флот... Посреди зала ходили и сидели мужчины, женщины и дети. Время от времени кто-то из них распрямлял плечи и выдвигал вперед подбородок, чтобы продемонстрировать силу и здоровье. В глазах людей, предлагавших себя, светилась надежда, смешанная со страхом, — как у собак в приюте для животных, куда несколько раз приводил ее отец, чтобы она выбрала питомца.

Были и семьи; дети либо цеплялись за матерей, либо с отсутствующим видом стояли рядом с родителями. Брианна старалась отводить глаза, ведь у нее разрывалось сердце, даже когда она собаку выбирала.

Юный Джейми боком протискивался между ними, прижав шляпу к груди, чтобы не потерять в толпе, и рассматри-

³ Von voyage (*фр.*) – Счастливого пути!

вал предложенный товар. Дядя Иэн пошел в офис судоходной компании за билетом на корабль в Америку и оставил Брианну с кузенком Джейми. Им предстояло найти слугу, который сопровождал бы ее в пути. Брианна пыталась протестовать: ей не нужен никакой слуга, в конце концов, она прекрасно добралась из Франции в Шотландию... Мужчины покивали, с вежливой улыбкой выслушав все ее аргументы, и теперь она пробиралась вслед за юным Джейми сквозь толпу, послушная, как овечка тети Дженни. Вот уж ясно, что именно имела в виду ее мать, называя Фрейзеров «упрямыми, словно скалы».

Несмотря на гомон вокруг и раздражение на родственников, сердце радостно екнуло при мысли о матери. Сейчас Брианна могла признаться себе, как сильно она по ней скучала. И по отцу, незнакомому шотландскому горцу, с которым она начала знакомиться по письмам. То, что между ними лежал океан, казалось не более чем досадной мелочью.

Кузен Джейми прервал эти радужные мысли, взяв ее за руку.

– Как тебе вон тот парень? – крикнул он ей прямо в ухо, подбородком кивнув на кандидата. – Что скажешь?

– Маньяк какой-то, – пробормотала Брианна. – Да ну, он похож на быка! – крикнула она в ответ.

– По-моему, сильный и честный малый.

«Просто слишком туп, чтобы оказаться нечестным», – подумала Брианна, однако промолчала, лишь энергично за-

трясла головой.

Юный Джейми философски пожал плечами и вернулся к изучению потенциальных работников, пристально разглядывая каждого. Брианне такое поведение казалось грубым, но другие потенциальные работодатели, похоже, так не считали.

– Пирожки! Горячие пирожки! – прорезался среди шума и гомона высокий голос.

Старушка с лотком на шее и с деревянной лопаточкой в руке локтями прокладывала себе путь через толпу. Чудесный аромат свежей выпечки затмил все прочие запахи. После завтрака прошло немало времени, и Брианна полезла в карман, чувствуя, как рот наполнился слюной.

Иэн взял у нее кошелек, чтобы расплатиться, но Брианна нащупала две или три монетки, которые, по всей видимости, выпали, одну из них выудила и помахала ей. Продащица заметила блеск серебра и тут же сменила курс, ловко лавируя через толпу; легла в дрейф перед Брианной и, пришвартовавшись, выхватила монетку у нее из рук.

– Да хранит тебя Дева Мария, великанша! – Старуха задрала голову вверх и оскалилась, демонстрируя крепкие пожелтевшие зубы. – Возьми-ка лучше два, дорогуша! Разве ты одним наешься, бедолага...

Все головы повернулись в их сторону, лица расплылись в ухмылках. Брианна была как минимум на полголовы выше большинства окружающих мужчин. Слегка смущенная общим вниманием, Брианна смерила ближайшего из обидчи-

ков ледяным взглядом. Похоже, молодого человека это весьма позабавило. С наигранным испугом он отшатнулся, прижавшись спиной к своему приятелю.

– Боже правый! Она на меня посмотрела! Я сражен!

– Не выдумывай, – приятель хлопнул его по плечу, – на меня она посмотрела! Кто на тебя посмотрит!

– Ничего подобного, – воспротивился первый, – на меня, правда, дорогуша?

Он умоляюще уставился на Брианну телячьим взглядом и выглядел при этом так потешно, что та не выдержала и расхохоталась вместе со всей толпой.

– А что ты с ней делать станешь? В ней два таких, как ты! Ну-ка, руки прочь, чудовище! – вступилась за Брианну торговка, наподдав парню лопаткой под зад. – У меня, между прочим, торговля идет, а девушка останется голодной, если ты не перестанешь дурака валять. Отстань, пусть пирожок купит.

– Девчонка мне в самый раз, бабуля! – Поклонник Брианны, не обращая внимания на нападки и поучения, бесстыдно ее разглядывал. – А что до остального... Тащи сюда лестницу, Бобби, высоты я не боюсь!

Грянул хохот. Друзья молодого человека потянули его за руку, и он нехотя пошел прочь, оглядываясь и посылая через плечо воздушные поцелуи. Брианна взяла сдачу медными монетками и отошла в угол, чтобы съесть два горячих пирожка с говядиной. Лицо у нее еще пылало от смеха и ком-

плиментов.

Брианна перестала обращать внимание на свой рост с седьмого класса. В Лаллиброхе, среди высоких двоюродных братьев, она чувствовала себя в своей тарелке, однако здесь она и впрямь торчала, словно мачта, хорошо хоть вняла настояниям Дженни и сменила мужской костюм на платье кузины Джанет, которое впопыхах удлиннили.

Брианну смущало, что под платьем у нее не было никакого белья, кроме рубашки. Конечно, вряд ли кто-то мог обнаружить сей пикантный факт, но само ощущение было непривычным – голые бедра терлись друг о друга, потому что шелковые чулки заканчивались чуть выше колена.

Впрочем, едва откусив первый кусок, она позабыла обо всех неудобствах. Горячий свежий пирожок в форме полумесяца был выпечен по старому шотландскому рецепту – фарширован рубленным мясом, салом и луком. Ощутив во рту сказочный вкус сочной начинки и слоеного теста, Брианна блаженно прикрыла глаза.

– Еда там либо отвратительная, либо безумно вкусная, – рассказывала Клэр о своих приключениях. – Тогда еще не нашли способ хранить мясо; все, что ты ешь, либо засолено, либо выварено в сале, если не успело протухнуть, либо парное, и тогда вкус просто невероятный.

Да, невероятно вкусный пирожок! Брианна получала огромное удовольствие, несмотря на то, что крошки падали в лиф. Она украдкой стряхнула крошки с груди, но никто

больше на нее не смотрел.

Или почти никто. Невысокий светловолосый мужчина в потертом пальто материализовался у ее локтя и суетливо махнул рукой, словно хотел потянуть ее за рукав. Брианна подозрительно покосилась на него. Нищий? Или очередной назойливый поклонник?

– Я вас слушаю!

– Мэм, вам, кажется, нужен слуга?

Брианна отбросила настороженность, поняв, что мужчина предлагает свои услуги.

– Мне лично не нужен, но, похоже, придется нанять.

Она посмотрела на юного Джейми, который как раз допрашивал приземистого широкоплечего малого с нависшими бровями. Видно, представление Джейми об идеальном слуге ограничивалось развитой мускулатурой. Брианна окинула взглядом щуплого человечка, стоявшего перед ней; он не слишком соответствовал стандартам Джейми-младшего, но стандартам Брианны – вполне.

– Хотите работать у меня?

Мужчина нервно переминался с ноги на ногу.

– Нет-нет, не я... Может быть, возьмете мою дочь? – выпалил он, собравшись с духом, и тихо добавил: – Пожалуйста.

– Вашу дочь? – Брианна удивленно воззрилась на него, позабыв о надкушенном пирожке.

– Прошу вас, мэм, – к изумлению Брианны, на глазах у

него показались слезы, – вы не представляете, как ей нужна работа и как мы будем благодарны!

– Как же... – смущенно протянула Брианна, смахивая крошки со рта.

– Она девушка выносливая и усердная, будет с радостью делать все, что прикажете, нужно только выкупить ее контракт.

– Послушайте, в чем дело? – спросила Брианна, движимая любопытством и жалостью к бедняге, который явно попал в беду. Она схватила его за руку и отвела в дальний угол, где было поменьше народу. – Что за срочность, почему вы хотите, чтобы я наняла вашу дочь?

Он нервно сглотнул.

– Один человек... Он хочет ее, но не в роли служанки... Хочет сделать ее любовницей. – Слова с трудом шли у него с языка, на лице было написано отчаяние.

– Ясно, – протянула Брианна, поняв, что дело и впрямь обстояло непросто. – Вам ведь не обязательно отпускать к нему дочь?

– Выбора нет, – горько проронил бедняга. – Господин Рэнсом, брокер, купил ее контракт и теперь может продать ее, кому пожелает.

Он кивнул на неприятного вида мужчину в белом парике, перевязанном лентой; тот как раз обсуждал что-то с юным Джейми.

– Он продаст ее без зазрения совести тому... – Голос со-

беседника прервался.

– Возьмите. – Брианна поспешно развязала косынку, повязанную вокруг шеи, и протянула незнакомцу. Со стороны ее поступок выглядел более чем нескромным, однако в данных обстоятельствах ей было все равно.

Мужчина вытер лицо и отдал косынку, сжав ладонь Брианны обеими руками.

– Этот человек – торговец скотом, он отправился на рынок продавать свой товар; вскоре он вернется с деньгами и выкупит ее контракт. Он хочет увезти ее в Абердин, я слышал, как он говорил это мистеру Рэнсому. Я стал молить Господа Бога смилостивиться над нами, и тогда... тогда я заметил вас, такую гордую, благородную. Вы показались мне доброй. Я решил, что это ответ на мои молитвы. Мэм, прошу, сжальтесь над несчастным отцом. Возьмите ее!

– Но я еду в Америку! Вы никогда... – Брианна закусила губу, – вы очень долго не сможете ее увидеть.

Отчаявшийся отец побледнел, как мел, и пошатнулся.

– В колонии?.. – прошептал он. Затем стиснул зубы и сказал, глядя прямо в лицо Брианне: – Лучше пусть она отправится в дикие места, и пусть я никогда ее не увижу, чем видеть, как она подвергнется бесчестью.

Брианна не знала, что и ответить. Она посмотрела на толпу поверх его головы.

– Которая из них ваша дочь?

Искра надежды в его глазах вдруг вспыхнула ярким пла-

менем:

– Да благословит вас Господь, леди! Я пришлю ее к вам.

Он горячо сжал ей руку и метнулся к толпе. Брианна ошарашенно смотрела ему вслед, потом беспомощно пожала плечами и наклонилась, чтобы поднять упавший платок. Как же это все случилось? И что, черт возьми, скажут дядя с кузеном, если она...

– Это Элизабет, – выпалил голос рядом. – Ты будешь служить этой даме, Лиззи.

Брианна опустила глаза и поняла, что решение уже принято.

– О боже, – пробормотала она, разглядывая аккуратный пробор в светлых волосах на головке девушки, что присела перед ней в глубоком реверансе.

Девушка подняла на нее огромные перепуганные серые глаза.

– К вашим услугам, мэм, – прошептала она побелевшими губами. По крайней мере, Брианна прочла по ее губам именно это, девушка говорила слишком тихо, чтобы можно было разобрать слова среди всеобщего шума.

– Она будет отличной служанкой, мэм, я клянусь вам! – Взволнованный отец говорил куда громче. Брианна взглянула на него. Отец и дочь были похожи: те же светлые волосы, то же бледное, изможденное лицо, только девушка была такой хрупкой, что казалась тенью своего отца.

– Что ж, здравствуй! – Брианна ободряюще улыбнулась

девушке.

Элизабет запрокинула голову, со страхом глядя вверх. Брианна заметила, как та сглотнула и облизала губы.

– Сколько тебе лет, Лиззи? Можно звать тебя Лиззи?

Головка на шее, напоминающей стебель одуванчика, слегка покачнулась. Девушка что-то пролепетала и посмотрела на отца, который поспешил ответить:

– Четырнадцать, мэм! У нее золотые руки, все умеет – и готовить, и шить, и убирать. Усерднее и послушнее не сыскать!

Он стоял позади дочери, положив руки ей на плечи. Его голубые глаза встретились с глазами Брианны, умоляя о помощи. Его губы шевельнулись, не издав ни звука, но она поняла его.

– Пожалуйста, – повторил он.

Взглянув через его голову, Брианна увидела, что вернулся дядя Иэн. Они переговаривались с юным Джейми, близко склонив друг к другу головы. Вскоре они начнут ее искать.

Брианна глубоко вздохнула и выпрямилась в полный рост. Что ж, если уж на то пошло, она тоже из Фрейзеров. Кузёну Джейми представится случай узнать, какой «упрямой, как скала» может быть Брианна.

Брианна улыбнулась девушке и протянула ей второй пирожок.

– По рукам, Лиззи! Надо съесть пирожок, чтоб закрепить сделку.

– Она поделила со мной еду, – Брианна призвала на помощь всю свою уверенность, – значит, она моя.

К ее удивлению, этот довод положил конец спору. Юный Джейми открыл было рот, чтобы что-то сказать, однако дядя Иэн остановил его, положив на плечо руку. Удивление на лице Иэна сменилось уважением.

– Вот оно что. – Он посмотрел на Лиззи, которая съежилась в комок за спиной у Брианны. – Раз так, выходит, что нечего и спорить.

Юный Джейми, по всей видимости, не разделял позиции отца по этому поводу, считая, что спорить можно очень даже чего.

– Что толку от этой крохи? – Нахмурившись, он махнул на Лиззи. – Она даже багаж унести не сможет, не говоря...

– Я сама унесу свой багаж, сил у меня хватит, – возразила Брианна. Она нахмурила брови, с вызовом глядя на кузена, и распрямилась во весь рост.

Джейми приподнял бровь, признавая ее правоту, но не сдался:

– Не пристало женщине ездить одной...

– Я не одна, у меня есть Лиззи.

– И уж точно не в место, вроде Америки...

– Послушать тебя, так это дыра на краю света, а ведь ты там ни разу не был! – возмущенно задохнулась Брианна. – Черт возьми, да я родилась в Америке!

Дядя с кузенком ошарашенно уставились на нее. Брианна воспользовалась моментом, чтобы закрепить победу.

– Это мои деньги, моя служанка и моя поездка. Я дала слово, и я сдержу его!

Иэн усмехнулся и покачал головой.

– Говорят, дети похожи на отца. Глядя на тебя, девочка, сомнений не остается. Рост и кудри ты могла унаследовать от кого угодно, зато упертость твоя точно от Джейми Фрейзера.

Щеки у нее смущенно вспыхнули, но вместе с тем она почувствовала что-то вроде удовлетворения.

Взъерошенный от жаркого спора юный Джейми предпринял последнюю попытку:

– Женщине не пристало высказывать собственное мнение, ей надо слушаться мужчин!

– По-твоему, женщине не пристало даже иметь собственное мнение? – ласково поинтересовалась Брианна.

– Не пристало!

Дядя Иэн одарил сына долгим взглядом.

– Сколько, говоришь, ты женат? Восемь лет? – Он покачал головой. – Что ж, твоя Джоан очень терпелива.

Не обращая внимания на насупившегося Джейми, дядя Иэн сказал Лиззи:

– Хорошо, можешь пойти к отцу попрощаться, а я пока улажу дело с бумагами.

Он проводил девочку взглядом, с некоторым сомнением рассматривая ее хрупкие плечи, затем повернулся к Бриан-

не.

– Ладно, может, вместе с ней тебе будет веселее, чем со слугой-мужчиной... В одном Джейми прав – защитить тебя ей не под силу. Скорее уж, тебе самой придется за ней присматривать.

Брианна расправила плечи и выпятила подбородок, призвав на помощь всю свою уверенность, однако под ложечкой у нее засосало.

– Я справлюсь, – ответила она.

Брианна крепко сжала в ладони камень, ища утешения. Корабль покинул залив Мори-Ферт и вышел в открытое море. Берега Шотландии остались позади.

Почему она уже скучает по месту, которое едва знала? Лиззи, которая родилась и выросла в Шотландии, не бросила ни единого взгляда на удаляющуюся землю; девчушка сразу спустилась вниз, чтобы устроиться в каюте и взять из багажа вещи, которые понадобятся в путешествии.

Брианна никогда не считала себя шотландкой. Совсем недавно она даже не подозревала, что имеет какое-то отношение к Шотландии, а теперь, покинув эту страну и людей, успевших стать такими близкими, переживала то же острое чувство утраты, как в день, когда навсегда уехала мама или когда погиб отец.

Возможно, ей передались эмоции других пассажиров? Многие, как и она, стояли у борта, некоторые рыдали в от-

крытую, прочие со страхом думали о долгой поездке. Но Брианна хорошо понимала, что ее угнетало другое чувство.

– Вот и все, – рядом возникла Лиззи.

Она как раз успела бросить прощальный взгляд на исчезающую за горизонтом землю. Ее лицо оставалось бесстрастным, однако Брианна не спутала самообладание с бессердечием.

– Да, мы в пути. – Повинуясь порыву, Брианна подтянула девочку к себе и поставила ее у перил, защищая собой от толкотни и холодного ветра. Лиззи была на добрый фут ниже Брианны и хрупкой, словно парусная лодка, видневшаяся впереди.

В это время года солнце еще не грело, оно нависало над чередой темных скал. Девушка вздрогнула и инстинктивно прижалась к Брианне, чтобы согреться. На Брианне была синяя шерстяная накидка, которую дала ей Дженни, она обвила девчушку руками и набросила на нее край накидки.

– Все будет хорошо, – подбодрила она Лиззи – и себя.

Светлая головка дрогнула у ее подбородка. Трудно сказать, был это кивок или попытка стряхнуть с глаз выбившуюся из прически прядь. Воздушный локон бился на ветру, совсем как огромные натянутые паруса над головой. Несмотря на бурлящие чувства, Брианна ощутила, что ее дух крепнет вместе с ветром. Она пережила уже немало расставаний; переживет и это. Вот почему так трудно уезжать. Брианна уже потеряла отца, мать, любимого, дом и друзей. Она осталась

одна, потому что так было нужно, по собственному выбору. Но теперь, в Лаллиброхе, она вдруг снова обрела дом и семью, и неожиданное открытие застало ее врасплох. Она бы отдала почти все на свете, чтобы остаться подольше.

Но надо сдержать обещание и усмирить боль потери. Потом она сможет вернуться. В Шотландию. И к Роджеру.

Брианна двинула рукой, чтобы ощутить на запястье спрятанный под накидкой тонкий серебряный браслет, который он ей подарил. Другой рукой она придерживала края накидки, защищая Лиззи от холодного ветра и морских брызг. Если бы не было так холодно, она, возможно, и не заметила бы, как на ее руку упала вдруг теплая капля.

Лиззи стояла выпрямившись, как натянутая струна, плотно обхватив себя руками. Ее полупрозрачные уши немного торчали, как у мышки, нежные и хрупкие в неярком свете заходящего солнца. Брианна подняла руку и на ощупь вытерла ей слезы, поверх головы Лиззи глядя на удалявшийся берег. Однако ледяное лицо и дрожащие губы, которые она ощутила под рукой, словно бы принадлежали ей самой.

Они стояли молча, пока берег не скрылся из виду.

Глава 36

Тебе не вернуться домой

Инвернесс, июль 1769 года

Роджер шел прогулочным шагом, восхищенно оглядываясь по сторонам. Вне всякого сомнения, за двести с лишним лет Инвернесс изменился, и все же Роджер хорошо знал мощеную улицу, по которой прежде ходил сотни раз.

Улица называлась Хантли-стрит. Многие из домов и магазинчиков были ему не знакомы, однако на другом берегу реки уже стояла Старая Высокая церковь, возведенная во славу Святого Стефана; собственно, еще не такая старая и высокая – главная башня пока что была низенькой и приземистой. У Роджера возникло странное чувство, что внутри он непременно обнаружит миссис Данвеган, жену священника, которая украшает алтарь цветами, готовясь к воскресной службе. Однако миссис Данвеган еще не родилась, на свете не было ни ее толстых шерстяных свитеров, ни безвкусных пирогов, которыми она пичкала заболевших прихожан мужа. Тем не менее небольшая каменная церковь служила надежным и привычным ориентиром, хоть и находилась в ведении незнакомца.

Церковь отца еще не возвели, это случилось... случится... в 1837-м. И дом пастора, который всегда казался таким старым и ветхим, был построен только в начале 1900-го. Роджер прошел мимо пустыря, поросшего лапчаткой и вереском. Среди травы тянулся вверх побег рябины, что пробрался из подлеска, его листочки трепетали на прохладном ветру.

Оказывается, воздух и раньше был таким же сырым и дарил бодрящую прохладу, но атмосферу отравлял не смог от выхлопных газов, а удушливо-тяжелый запах сточных вод. Самым непривычным было отсутствие церкви: там, где речные берега однажды украсятся благородными очертаниями башен со шпилями, еще не было ничего, кроме нескольких низких домишек.

Через реку вел лишь один каменный мост, однако сама река Несс, понятно, была все той же: те же пологие берега, и те же ворчливые чайки, что с громкими криками проносились над водой, на лету подхватывая рыбешек.

– Удачи, ребята, – пожелал Роджер упитанным птицам, прогуливающимся по мосту, и перешел на другую сторону.

Тут и там стояли богатые дома, окруженные большими участками; знатные дамы в пышных платьях прогуливались по лужайкам, не обращая внимания на простой люд, шедший по улице. Вдалеке виднелся Маунтджеральд. Большое здание выглядело точно таким же, каким знал его Роджер, только буки, которые будут окружать его спустя два века, еще не

посадили, вместо них у стены сада томились высаженные в ряд итальянские кипарисы, тоскующие по своей солнечной родине.

При всей элегантности архитектуры о Маунтджеральде ходили слухи, что дом построен по старинному обычаю – под фундаментом зарыто тело человеческой жертвы. По преданию, одного из строителей заманили в вырытую под подвал яму и сбросили сверху валун, который раздавил беднягу. По сведениям местных историков, его закопали в том же подвале, чтобы ублажить кровью голодных духов земли, и по их милости здание простояло в целости и сохранности на протяжении многих лет.

Сейчас дому лет двадцать или тридцать, подумал Роджер. В городе могут найтись люди, которые его строили, они точно знают, что произошло в том подвале и почему. Впрочем, он прибыл сюда с другой целью, так что пускай Маунтджеральд сохранит свою тайну. С легким сожалением Роджер усмирил любопытство ученого и свернул на дорогу, которая вела к докам.

Роджер толкнул дверь паба, ощутив мощный эффект дежавю. Та же дверь из сосновых бревен, тот же каменный пол, что он видел всего лишь неделю назад – и вместе с тем двести лет спустя. Знакомый аромат хмеля и дрожжей принес утешение – название заведения изменилось, но пиво пахло по-прежнему.

Роджер отхлебнул из деревянной кружки и чуть не задох-

нулся.

– Эй, приятель, все нормально? – Хозяин паба как раз проходил мимо с ведром песка в руке.

– Все хорошо, – просипел Роджер, – все хорошо.

Хозяин кивнул и принялся посыпать только что выметенный пол песком, однако время от времени косился на Роджера – вдруг того начнет тошнить.

Роджер прокашлялся и осторожно отхлебнул из кружки еще раз. На самом деле напиток оказался дивно хорош, просто он никогда не пил такого крепкого пива; по сравнению с современным, оно буквально сшибало с ног. Клэр говорила, что в то время алкоголизм был повальный, теперь Роджер понял, почему. Тем не менее, если пьянство представляло наибольшую опасность, с которой ему придется столкнуться, уж с этим он справится.

Он пристроился у очага и, смакуя, пил темный горький напиток, при этом смотрел во все глаза и слушал во все уши.

Паб находился неподалеку от портовых доков Морей-Ферт, внутри былолюдно: моряки, купцы, матросы с пришвартованных кораблей, портовые грузчики и чернорабочие с соседних складов. За небольшими столиками, усеянными лужицами от пива, совершалось множество сделок самого разного толка.

До Роджера доносились обрывки беседы между двумя купцами, которые сговаривались обменять триста свертков грубой дешевой шерсти, отправив их на корабле из Аберди-

на, на рис и краску индиго, прибывшие из Каролины. Сто коров галловейской породы, шесть центнеров катаной меди, бочки серы, патоки и вина. Меры, цены, сроки и условия курились под низкими потолочными балками вместе с пивными парами и облаками табачного дыма.

Речь шла не только о товарах. За столиком в углу сидел капитан судна – судя по длинному пальто и черной треуголке, которая лежала перед ним на столе вместе с большим ящиком для денег. Рядом сидел клерк, который аккуратно записывал что-то в бухгалтерскую книгу. Капитан беседовал все с новыми людьми, однако поток не иссякал – эмигранты целыми семьями пытались устроиться на корабль, отплывающий в колонии, в Вирджинию. По доносившимся фразам Роджер сделал вывод, что стоимость проезда для мужчины – для джентльмена – составляла десять фунтов восемь шиллингов. Для тех, кто собирался ехать в трюме, как бочка с товаром или крупный рогатый скот, проезд стоил четыре фунта и два шиллинга, но в этом случае им предстояло закусить своей едой на все шесть недель плавания. Пресной водой, как он понял, на борту обеспечивали.

Для тех, кто хотел уехать, но не имел денег, находились другие способы попасть на корабль.

– Договор найма на вас, жену и двоих старших сыновей? – Капитан вскинул голову и оценивающее посмотрел на стоявшее перед ним семейство. Глава семьи – низкорослый жилистый человек, изможденный тяжелой работой, которому,

наверное, было слегка за тридцать, хотя выглядел он гораздо старше. Жена стояла позади мужа, опустив глаза в пол, держа за руки двоих маленьких девочек. Одна из девочек сжимала ручонку младшего брата, на вид трех- или четырехлетнего. Старшие мальчики стояли рядом с отцом, стараясь выглядеть посolidнее. Роджер подумал, что им, наверное, лет десять и двенадцать, сделав скидку на то, что оба были невысокими и худенькими от недоедания.

– Вас и мальчиков возьмем. – Капитан нахмурился, глядя на женщину. – Но никто не наймет женщину, у которой столько детей. Пожалуй, одного пусть оставит, а девочек надо продать.

Мужчина оглянулся на своих. Жена стояла неподвижно, по-прежнему опустив голову и ни на кого не глядя. Одна из девочек дернулась и заныла, что мать больно сжала ей руку. Глава семьи повернулся к капитану.

– Хорошо, – сдавленно сказал он. – Может, их хотя бы возьмут вместе?

Капитан поскреб подбородок и равнодушно кивнул.

– Вполне вероятно.

Роджер не стал дожидаться завершения сделки, резко встал и вышел из паба; темное пиво вдруг потеряло всякий вкус.

На улице он остановился, перебирая деньги в кармане – все подходящие монеты, которые успел собрать перед тем, как отправиться в путешествие во времени.

Короткая сцена в пабе его потрясла. Роджер досконально знал историю Шотландии. Ему хорошо известны были случаи, когда семьи доходили до такой степени отчаяния, что выбирали разлуку и рабство в обмен на шанс выжить. Он знал все о продаже наделов, когда небогатые арендаторы вынуждены были покидать землю, принадлежавшую их предкам несколько сотен лет, о страшной нужде и голоде, которые царили в городах, о непереносимой жизни, которую владели простые шотландцы в те годы. Однако читать в книгах и видеть своими глазами – совсем разные вещи. Из головы не шло лицо той женщины, ее глаза, устремленные на только что посыпанный песком пол, и руки, которыми она крепко сжала ладошки маленьких дочерей.

Десять фунтов и восемь шиллингов. Или четыре фунта и два шиллинга. Плюс расходы на еду. У него в кармане лежало ровно четырнадцать шиллингов и три пенса, плюс несколько медных монеток и пара четвертаков.

Он медленно брел по тропинке вдоль побережья, разглядывая суда, пришвартованные у деревянных доков, – в основном, рыболовецкие парусники. Небольшие бриги и галеры сновали по заливу, перевозя пассажиров и ценные грузы через Ла-Манш во Францию. На якоре в Ферте стояло только три больших корабля, способных пересечь Атлантику.

Конечно, можно добраться до Франции и сесть на корабль там. Либо доехать по суше до Эдинбурга – местный порт был гораздо больше, чем в Инвернесе. Но пока он доберется,

мореходный сезон подойдет к концу. Брианна отправилась в прошлое на шесть недель раньше, нельзя терять ни дня. Кто знает, что может стрястись с женщиной, путешествующей в одиночку?

Четыре фунта и два шиллинга. Наняться на работу? С ним нет ни жены, ни детей, которых нужно содержать, так что он сумел бы сохранить большую часть денег. Однако клерк в то время зарабатывал в среднем около двенадцати фунтов в год, а Роджер смог бы наняться разве что чистить конюшни...

– Перво-наперво, – пробормотал он, – нужно узнать, куда она поехала, а уж потом думать о неприятностях, которые тебя поджидают.

Вытащив руку из кармана, Роджер свернул в узкий проулок между двух складов. Утреннее воодушевление почти испарилось, и все же он немного воспрянул духом, когда понял, что не ошибся в предположениях: контора управляющего портом располагалась в том же каменном приземистом здании, что и двести лет спустя. Роджер криво усмехнулся: не любят шотландцы перемен!

Внутри былолюдно: четверо резвых клерков за истертой деревянной стойкой сновали туда-сюда с кипами документов, строчили и скрепляли печатями бумаги. Они принимали деньги и относили их во внутреннюю комнату, откуда возвращались с квитанциями. У стойки толпились нетерпеливые посетители, и каждый стремился привлечь внимание

служащих к собственному делу, которое, несомненно, было куда важнее, чем у соседа. Когда Роджеру удалось обратиться к одному из клерков, выяснилось, что добыть списки пассажиров, пустившихся в плавание через океан из Инвернесса за последние несколько месяцев, не представляет большой трудности.

– Подождите минуточку, – остановил он молодого парня, который водрузил перед ним тяжелую книгу в кожаном переплете.

– Слушаю? – Тот явно торопился, тем не менее замер на бегу, любезно давая понять, что готов выслушать.

– Сколько вам здесь платят?

Служащий удивленно приподнял брови, но у него не было времени ни задавать встречные вопросы, ни обижаться на бестактность.

– Шесть шиллингов в неделю, – отрапортовал он и исчез, заслышав раздраженный выкрик «Манро!», раздавшийся из кабинета.

Роджер схватил книгу регистрации и наперерез толпе пробрался к маленькому столику у окна.

Имея возможность лицезреть условия, в которых работали служащие, Роджер поразился, как красиво и разборчиво были написаны фамилии пассажиров. Он давно привык к сложной старой орфографии и пунктуации, хотя бумаги, которые ему доводилось держать в руках, были пожелтевшими и хрупкими. Историк Роджер испытал истинное наслажде-

ние, глядя на белую, недавно заполненную страницу. Клерк, сгорбившийся за высокой стойкой, водил пером с немыслимой скоростью, несмотря на духоту и гомон, царившие в комнате.

«Сомнения прочь, — холодно произнес голос в голове. — От того, что ты боишься заглянуть в списки, ее имя там не появится. Хватит!»

Роджер сделал глубокий вдох и раскрыл тяжелую книгу. Названия кораблей были указаны вверху страниц, за ними следовали имена капитанов и их помощников, основного груза и даты отплытия. «Арианна». «Полифем». «Веселая вдова». «Тибурон»... Несмотря на волнение, Рожер восхищался названиями, пока перелистывал страницы.

Полчаса спустя он перестал удивляться поэтичным и образным названиям кораблей. По мере того как палец скользил по спискам фамилий, в душе росло отчаяние. Неужели Брианны там не было!

Куда же она пропала? Она должна была сесть на корабль, идущий в колонии! Если только, в конце концов, к ней не вернулся здравый смысл... Но щемящая боль под ребрами говорила, что Брианну вряд ли остановила угроза, исходившая от каменного круга.

Глаза начали слезиться от напряжения. Роджер устало потер их и вновь вернулся к спискам, упрямо бормоча под нос имена, чтобы быть уверенным, что ничего не пропустил.

М-р Финеас Форбс, джентльмен

М-с Вильгельмина Форбс

М-с Джозефина Форбс

М-с Эглантина Форбс

М-с Шарлотта Форбс

Он улыбнулся, представив себе гарем мистера Форбса. Сокращение «м-с» может означать как «миссис» – замужнюю женщину, так и «мисс» – незамужнюю, и скорее всего, Форбс путешествовал в сопровождении юных дочерей, но уж больно эпичной показалась ему картина идиллического восшествия на борт мистера Финеаса Форбса в компании четырех жен.

М-р Уильям Тэлбот, купец

М-р Питер Тэлбот, купец

М-р Джонатан Бикнелл, врач

М-р Роберт Маклеод, фермер

М-р Гордон Маклеод, фермер

М-р Мартин Маклеод

Фамилия Рэндалл так и не встретилась. Ни на «Персефоне», ни на «Мести королевы», ни на «Фебе». Роджер вздохнул и приступил к списку пассажиров корабля «Филипп Алонсо». Название испанское, тем не менее корабль, зарегистрированный в шотландской книге, вышел из Инвернесса под командованием капитана Патрика О'Брайена.

Роджер не прекратил поиски, но уже начал думать о том, что делать дальше, если Брианна в списках не найдется. Конечно же, надо ехать в Лаллиброх. Однажды он там побы-

вал, в свое собственное время, чтобы посмотреть на то, что осталось от поместья. Однако как найти его теперь, без карт и дорожных указателей?

И вдруг мысли Роджера резко оборвались, а палец замер на имени в нижней части страницы. Он искал Брианну Рэндалл, ее в списке не было, зато при виде другого знакомого имени в мозгу вспыхнула лампочка. Фрейзер, прочел он буквы, выписанные витиеватым почерком. М-р Брайан Фрейзер. Нет, не Брайан. И не м-р. Прищурившись, он склонился над мелкими черными буквами.

Роджер прикрыл веки, чувствуя, как бешено колотится сердце. Облегчение растеклось по всему телу, опьяняя не хуже темного эля из паба. Там было написано «м-с», а не «м-р», и не «Брайан», а «Бриана».

Наверняка она! У нее необычное имя, никакой другой «Брианы» или «Брианны» в списках не было. Фамилия Фрейзер тоже несла определенный смысл: Брианна отправилась на розыски отца, вполне естественно назваться его фамилией, принадлежащей ей по праву рождения.

Роджер захлопнул книгу и замер. Попалась!.. Затем поймал на себе любопытный взгляд светловолосого клерка и, смутившись, снова открыл книгу.

«Филипп Алонсо». Отплыл из Инвернесса четвертого июля 1769 года в Чарльстон, Южная Каролина.

Южная Каролина. Ей нужно было попасть именно туда или это просто ближайший порт, до которого она могла до-

браться? Пробежав глазами остальные списки, Роджер не нашел ни одного корабля, который в июле отправлялся бы в Северную Каролину. Может, она села на первый попавшийся корабль, идущий в нужном направлении, а дальше задумала добраться по суше?

Роджер поднялся и через стойку протянул книгу светловолосому знакомцу.

– Спасибо, дружище, – произнес он с мягким акцентом. – Скажите, а есть ли судно в порту, которое вскорости отплывает в американские колонии?

– Имеется. – Клерк кивнул, одной рукой ловко подхватив книгу, а второй принимая накладную от другого клиента. – «Глориана» уходит в Каролину послезавтра. – Он смерил Роджера взглядом. – Вы эмигрант или моряк?

– Моряк, – быстро ответил Роджер и, не обращая внимания на скептически приподнятую бровь конторщика, махнул рукой в сторону леса мачт. – Где можно записаться на борт?

Клерк кивнул в сторону двери.

– Владелец обычно работает в пабе, когда заходит в порт. Скорее всего, он там – капитан Боннет.

Молодой человек все же воздержался от ядовитого замечания: если Роджер – моряк, то он, клерк, – африканский попугай.

– Благодарю вас, *mo ghille*, мой мальчик! – Отдав честь, Роджер направился к выходу, но в дверях обернулся. Клерк все еще смотрел на него, не обращая внимания на выкрики

нетерпеливых клиентов.

– Пожелайте мне удачи! – усмехнувшись, крикнул Роджер.

В ответной улыбке клерка сквозило восхищение, смешанное с тоской.

– Удачи вам, дружище! – откликнулся он и помахал на прощание. Дверь захлопнулась, и парень обратился к следующему клиенту, держа наготове гусяное перо.

Роджер действительно нашел капитана Боннета в пабе. Тот сидел в углу в плотном облаке сигарного дыма.

– Как вас зовут?

– Маккензи, – ответил Роджер, повинувшись внезапному порыву. Если Брианна назвалась другим именем, отчего бы и ему не поступить так же.

– Есть опыт, мистер Маккензи?

Солнечные лучи скользнули по лицу капитана, заставив его прищуриться. Он отодвинулся в тень и окинул Роджера цепким взглядом.

– Время от времени рыбачил в Минче.

Роджер и правда несколько лет подряд, мальчишкой, ходил во время каникул на лодке под командованием одного рыбака, знакомого его преподобия. Он нарастил мускулы, выучил несколько морских баллад и приобрел стойкое отвращение к селедке. Зато, по крайней мере, знал, как держать в руках канат.

– Что ж, парень вы крепкий. Однако рыбак и моряк – ремесла, конечно, совсем разные.

– Полагаю, для этого занятия не нужно быть семи пядей во лбу.

Роджер не понял, почему капитан вдруг почесал затылок.

– Это несколько сложнее, чем вам кажется, но уверен, что тот, кто хочет, всегда научится. Только с чего вдруг человеку вашего сорта приспичило отправиться в море?

«Вашего сорта. Что это значит?» Дело не в речи, Роджер старался подражать выговору жителей гор, чтобы избавиться от малейшего намека на оксфордское произношение. Может, он слишком хорошо одет? Или капитан заметил следы огня у него на воротничке и на пальто?

– По-моему, вас это не касается, – сдержанно сказал Роджер, стараясь не стискивать кулаки.

Светлые зеленые глаза капитана продолжали холодно его изучать. Словно леопард, что поджидает антилопу в засаде, пришло на ум Роджеру. Интересно, последует нападение или нет.

Тяжелые веки опустились – нападения не будет.

– Вам следует быть на борту до захода солнца, – велел Боннет. – Пять шиллингов в месяц, три дня в неделю мясо, по воскресеньям сливовый пудинг. Гамак для вас найдется, но форму принесете свою. Как только товар выгрузят в Каролине, вы свободны. По рукам, сэр?

– По рукам, – отозвался Роджер. В горле вдруг пересохло.

– Как подниметесь на борт, спросите мистера Диксона. Он казначей. – Боннет откинулся назад, достал из кармана небольшую книгу в кожаном переплете и открыл ее. Аудитория окончена.

Роджер повернулся и, не оглядываясь, пошел к выходу, чувствуя, что ему будто буравят затылок. Он знал, что если обернется, то встретится с холодным взглядом светло-зеленых глаз, следящих за ним поверх книги и подмечающих все его слабости.

Глава 37

«Глориана»

До сих пор Роджер считал, что находится в отличной физической форме. И вправду, по сравнению с большинством истощенных и рано усохших образцов человечества, которые составляли остальную часть экипажа «Глорианы», Роджер казался сильным и выносливым. Однако в первый же рабочий день, длившийся четырнадцать часов кряду, он разуверился в своих возможностях.

Он заработал пузыри на ладонях и боль в мышцах, швыряя ящики, перекладывая брусья и тягая канаты. Все кости ломило – даже не так от самой физической нагрузки, как от того, что работать приходилось на холоде в отсыревшей одежде. Роджеру по душе пришелся тяжелый труд в грузовом отсеке, там он хотя бы отогрелся, но он знал, что недолгое блаженство обернется мелкой дрожью, сотрясающей все тело, как только он снова окажется на палубе под шквалом ледяного ветра.

К концу дня руки огрубели и болели, а ладони к тому же почернели, словно деготь, и потрескались. Что поразило Роджера, так это волчий голод, грызущий изнутри.

Костлявый образчик человечества по имени Дафф, что работал рядом, тоже промок насквозь, но, похоже, его это совсем не трогало. Длинный острый нос Даффа подрагивал,

как у хорька, с посиневшего кончика на поднятый воротник рваной куртки равномерно спадали капли, словно со сталактита в пещере, однако взгляд выцветших глаз был пронизательным, а рот широко усмехался, демонстрируя почерневшие зубы, по цвету напоминавшие воду в заливе Ферт.

– Крепись, приятель! Пожрать дадут, когда пробьет две склянки. – Дафф дружески пихнул Роджера локтем в бок и нырнул в трюм, из темных глубин которого доносились голоса, сыплющие проклятьями.

Кормовой трюм уже был наполовину забит, бочки с водой стояли рядами один на одном, каждый из них объемом в сто галлонов и весом около семисот фунтов. Однако передняя часть оставалась свободной. Грузчики сновали, как муравьи, перемещая бесконечные бочки, коробки, свертки и связки – столько всего, что, казалось, все это ни за что не поместится на корабль.

Потребовалось два дня, чтобы погрузить весь скarb: бочки с солью, рулоны ткани, огромные ящики со скобяными изделиями, до того тяжелые, что спускали их на стропах. Вот тогда и пригодилась сила Роджера. Он налегал на один конец каната, перетянутого через лебедку, на другом конце которого болтался привязанный ящик, и потихоньку отпускал веревку, чтобы двое других грузчиков могли поймать ящик и направить его в нужное место.

Пассажиры поднялись на борт в конце дня – унылая цепочка эмигрантов, увешанных чемоданами, связками, кура-

ми в клетках и детьми. Все они ехали третьим классом на средней палубе – в отсеке, отгороженном от переднего трюма перегородкой – и приносили не меньше выгоды, чем самые ценные из товаров, загруженных в кормовой трюм.

– Рабы! Едут бесплатно, чтобы расплатиться по прибытии, – сообщил Дафф Роджеру, окинув прибывших наметанным глазом. – На плантациях за них заплатят пятнадцать фунтов, а они получают три или четыре. Груднички – бесплатное приложение к матери.

Моряк закашлялся, издавая громкие хриплые звуки, словно заводил старинный двигатель, и сплюнул за борт. Он покачал головой и посмотрел на унылую процессию.

– Мало кто заплатил за проезд. Им пришлось постараться, чтобы заработать еще по два фунта на семью и купить еды на борт.

– Значит, капитан их не кормит?

– Почему же? – Дафф снова закашлялся и сплюнул. – Кормит. За деньги. – Он ухмыльнулся Роджеру, вытер рот и кивнул головой на трап. – Пойдем, протянем руку помощи, приятель. А то наш капитан недополучит денег, если кто из них потонет.

Подхватив на руки одну из девочек, Роджер удивился: на вид она была довольно пухленькой, а оказалась совсем легкой. Он присмотрелся и понял, что полнота многих женщин – всего лишь иллюзия, потому что они, по всей видимости, надели на себя несколько слоев одежды – все, что имели, за

исключением горстки узлов и коробок с едой, купленной в путешествие, и тощих детей, ради которых решились на этот отчаянный шаг.

Роджер с улыбкой присел, уговаривая малыша; тот крепко вцепился в материнскую юбку. Белокурому кудрявому ангелочку не исполнилось и двух лет, его еще наряжали в платье. Уголки маленького пухлого рта были обращены вниз, выражая страшное неодобрение всему, что происходило вокруг.

– Давай же, малыш, – тихо сказал Роджер, протянув руку. Нужды контролировать акцент больше не было, изысканное оксфордское произношение исчезло само собой под натиском протяжного шотландского говора, усвоенного с детства. – Твоя мама не может сейчас тебя взять, пойдем со мной.

Мальчик недоверчиво шмыгнул носом и сердито посмотрел на него, однако позволил отцепить свои пальчики от материнской юбки. Роджер нес малыша по палубе, а женщина молча шла за ним. Она спустилась в трюм, и Роджер передал сына ей на руки, тогда она подняла глаза и посмотрела на него, а затем ее лицо исчезло в темноте, словно белый камень, упавший в колодец. Роджер пошел назад со щемящим чувством, словно на его глазах утонул человек.

Вернувшись к работе, он заметил молодую женщину, спускавшуюся к пристани. Девушка была, что называется, обаятельной – не красавица, но очень живая, изящная, с выразительными глазами. Возможно, дело было в осанке – пря-

мая, как стебелек лилии, среди сторбленных и усталых людей. А может, в ее лице – конечно, в нем читалась и неуверенность, и сомнения, но вместе с тем глаза девушки светились любопытством и интересом. Отважная девчонка, подумал Роджер. Подавленный созерцанием уныния и страха, исходящими от остальных эмигрантов, при виде нее он несколько воспрянул духом.

Рядом с ней шагал высокий светловолосый молодой человек с ребенком на руках. Он ободряюще коснулся плеча девушки, и ее лицо осветила мягкая чарующая улыбка. Глядя на них, Роджер почувствовал укол чего-то похожего на зависть.

– Эй, Маккензи! – Крик боцмана выдернул его из задумчивости. – Между прочим, груз ждет, сам по себе на борт не запрыгнет!

Корабль отчалил, распустив паруса. Несколько недель все шло гладко. На смену дождливой погоде, омрачившей отъезд из Шотландии, пришли крепкие ветра и бурное море. Большинство пассажиров слегли от морской болезни, но со временем пошли на поправку. Запах рвотных масс составлял лишь незначительную нотку в какофонии отвратительных ароматов на борту «Глорианы».

Роджер с рождения обладал чутким нюхом, и теперь ему пришлось об этом пожалеть. Тем не менее даже самый чуткий нос ко всему привыкал, и примерно за день он свыкся с

царившим в трюме духом, отмечая разве что новые нотки.

Роджер не страдал от морской болезни, тем не менее по опыту, приобретенному на рыболовецком судне, знал, как настороженно моряки следят за погодой: от того, светит ли солнце, зависит, как сложится день.

Другие члены команды не проявляли дружелюбия, однако и враждебности не выказывали. Может, из-за говора, свойственного жителям шотландского высокогорья – большинство матросов с «Глорианы» были выходцами с равнин, из Дингуолла или Питерхеда, а может, из-за странных слов, которые порой срывались у него с языка, а может, из-за роста остальные держались с ним настороже. До открытой ссоры дело не доходило, все-таки Роджер был самым рослым и крепким, но и на сближение никто не шел.

Холодность моряков не трогала Роджера. Пока тело управлялось с повседневными обязанностями, ему было, о чем подумать.

До того, как пуститься в плавание, он не пытался ничего разузнать ни о корабле, ни о капитане. Да он бы сел на корабль к черту лысому, при условии, что этот джентльмен направлялся в Северную Каролину! Тем не менее из разговоров экипажа Роджер понял, что Стивен Боннет известен как хороший капитан, строгий, но справедливый, и пользовался репутацией человека, которому сопутствует удача. Для тех, кто получал не заработную плату, а долю от прибыли, последнее из качеств сглаживало прочие шероховатости в ха-

рактуре капитана.

Не то чтобы Роджер замечал подобные шероховатости, просто ему казалось, что капитан словно находится в незримом кругу, и лишь немногие смеют преступить границу. Напрямую с капитаном общались только первый помощник и боцман; матросы опускали головы, когда он проходил мимо. Роджер припомнил холодный взгляд зеленых глаз следившего за ним хищника. Неудивительно, что никто не хотел привлекать его внимание.

Общаться с пассажирами Роджеру особо не доводилось. Как правило, им разрешали появляться на палубе дважды в день, чтобы подышать воздухом, опорожнить мусорные баки, которых было ничтожно мало для такого количества людей, и отнести вниз воду, которую мелкими порциями распределяли на каждую из семей. Роджер ждал этих коротких вылазок и пытался найти работу на палубе, где пассажиры разминали затекшие конечности.

Его интерес был и личным, и профессиональным. В их присутствии просыпалось любопытство историка, а одиночество, которое он испытывал, легче переносилось под тихий рокот обыденных разговоров. Они были семенами, что упадут на почву новой страны, захватив с собой наследие прошлого. То, что знают и ценят эти бедные эмигранты, они передадут своим потомкам.

И если уж передавать шотландскую культуру потомкам, почему это должен быть рецепт от бородавок, о котором по-

ведала пожилая женщина, что бранила терпеливую невестку («Я говорила тебе, Кэти Мак, но ты выбросила отличных сушеных жаб, хотя набрала с собой кучу всякого хлама, который мы теперь сторожим день и ночь, куда его только девать станем, когда приедем»...), хотя и он – часть наследия, наряду с народными песнями и молитвами, с тканой шерстью и кельтскими узорами.

Роджер взглянул на свою руку и живо вспомнил миссис Грэхэм, которая натирала ему бородавку на среднем пальце чем-то, что назвала сушеной жабой. Он улыбнулся, потеряв то место большим пальцем. Рецепт сработал, больше бородавки не вскакивали.

– Сэр, – раздался рядом тихий голосок, – сэр, а можно нам пойти дотронуться до подковы?

Крошечная девочка вела за руки двоих младших братьев.

– Можно, *a leannan*, – ответил Роджер. – Только ты следи за парнями.

Она кивнула, и все трое побежали прочь. Перед тем как подняться на цыпочки и дотронуться до подковы, прибитой к мачте на счастье, дети тревожно оглянулись по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Подкова обещала защиту и исцеление, матери часто посылали к ней хилых малышей.

Им лучше бы принимать железо внутрь, подумал Роджер, разглядывая сыпь на мучнисто-белых лицах и слушая жалобы на зуд, крошащиеся зубы и жар. Он вернулся к работе,

черпаком разливая воду по ведрам и мискам, которые подставляли ему пассажиры. Эмигранты жили на одной овсянке, а многие из них лишь на сушеном горохе, размоченном в воде, и безвкусных сухарях – вот и вся провизия, которую им выдавали на борту.

Однако на это не жаловались: вода была чистой, сухари не плесневелыми, и если порции были не слишком щедрыми, не были они и скудными. Экипаж питался лучше – мясной похлебкой с добавлением лука. Роджер провел языком по деснам – так он проверял их состояние каждые несколько дней. Почти все время во рту стоял слабый привкус железа, десны начали кровоточить из-за отсутствия свежих овощей.

Тем не менее зубы прочно сидели на месте, суставы и ногти были в порядке – не то что у некоторых ребят из команды, которые показывали ему распухшие суставы и посиневшие ногти. Роджер изучил вопрос во время недель ожидания: здоровый взрослый мужчина мог выдержать от трех до шести месяцев дефицита витаминов, прежде чем проявятся симптомы. При хорошей погоде плавание продлится не дольше двух месяцев.

– Завтра будет хорошая погода, правда? – Роджер вздрогнул, словно кто-то прочел его мысли, и оглянулся. Говорила та самая очаровательная шатенка, которой он восхищался на пристани в Инвернесе. Друзья называли ее Мораг.

– Надеюсь. – Он принял у нее ведро с ответной улыбкой. – А почему вы так думаете?

Она кивнула подбородком.

– На небе за старой луной видна новая, на суше это значит, что будет хорошая погода. Думаю, в море то же самое, разве нет?

– Не трать время на болтовню, девчонка, спроси у него! – прошипела Мораг на ухо немолодая женщина. – Давай!

– Не буду, сказала же, что не буду!

– До чего ты упряма!.. – Женщина смело шагнула вперед. – Ладно, если не хочешь, спрошу сама! – Она положила широкую ладонь на плечо Роджеру и улыбнулась ему. – Как тебя зовут, парень?

– Маккензи, мэм, – почтительно сказал Роджер, сдерживая улыбку.

– Ах, ты из Маккензи!.. Видишь, Мораг, он приходится родней твоему мужу и наверняка будет рад оказать услугу!.. У нее грудной ребенок, и она умирает от жажды. Женщине надо пить, когда кормит грудью, а то молоко свернется, а глупышка не решается попросить у вас чуток больше воды. Здесь же никому не жалко, а? – спросила она риторически, обернувшись к очереди. Неудивительно, что все, как марионетки, покачали головами.

Даже в темноте было видно, что Мораг вспыхнула. Плотнот сжав губы, она приняла от Роджера до краев наполненное ведро воды и коротко ему кивнула.

– Благодарю вас, мистер Маккензи.

Она не смотрела на него, пока не дошла до люка, ведуще-

го в трюм, затем оглянулась через плечо с такой благодарной улыбкой, что Роджеру стало тепло, несмотря на холодный ветер, который продувал насквозь даже через куртку и рубашку.

Ему было жаль, что вода закончилась, и эмигранты спустились вниз, закрыв за собой люк на ночь. Он знал, что они рассказывали всякие истории и пели песни, чтобы скоротать время, и многое бы отдал за то, чтобы их послушать. Не только из любопытства, скорее, из-за тоски. Он не жалел их за то, что они были бедны и полны страха перед будущим, он завидовал, что между ними была связь.

Однако капитан, экипаж, пассажиры и даже самое важное – погода – занимали только часть мыслей Роджера. День и ночь, промокший или сухой, голодный или сытый, он думал о Брианне.

Роджер спустился в столовую, когда прозвучал сигнал к ужину, и поел, не замечая вкуса еды. Ему предстояла вторая вахта, и после ужина он отправился в койку, избрав одиночество и покой вместо возможности поболтать с другими матросами в кубрике.

Одиночество, конечно, было иллюзией. Мягко покачиваясь в гамаке, он чувствовал, как ворочается сосед, даже через рубашку ощущая жар исходящего потом сонного тела. На каждого приходилось не более восемнадцати дюймов; когда Роджер лежал на спине, плечи выходили за отведенную ему территорию на добрых два дюйма с каждой стороны.

Проспав две ночи посередине, он постоянно просыпался от пинков и брани соседей; в конце концов, Роджера уложили к стене, чтобы он мешал только одному. Он научился спать на боку, прижавшись к деревянной перегородке, и прислушиваться к укачивающему поскрипыванию корабля, не обращая внимания на людской гомон.

Корабль таил в себе музыку. Мачты и канаты пели на ветру, деревянные борта скрипели с каждым взлетом и падением, в трюме перестукивались бочки и ящики, из кубрика и пассажирского отсека доносился гул голосов. Глядя на темную перегородку, куда изредка падал свет фонаря, качающегося над головой, Роджер представлял себе Брианну: ее лицо, фигуру и волосы. Она стояла перед ним, как живая, как настоящая. Слишком настоящая.

Да, он легко мог вызвать в памяти ее лицо. Узнать ее чувства и мысли было гораздо труднее.

Уйдя через камни, Брианна забрала его покой. Роджер жил, постоянно мучаясь страхом и гневом, острая боль разьедала душевные раны. Одни и те же вопросы вертелись в голове, словно змея, пытавшаяся ухватить собственный хвост. А ответов не было.

Зачем она ушла? Что она делает? Почему не сказала ему?

Роджер прекрасно знал, что такое одиночество. Наверное, это было одной из причин, почему они потянулись друг к другу.

Клэр тоже знала, подумал он вдруг. Она была сиротой, по-

теряла дядю, пусть в это время уже и была замужем. Однако на время войны они с мужем расстались... Да, она многое знала об одиночестве. И именно поэтому позаботилась о том, чтобы Бри не осталась одна, хотела увериться, что ее дочь любима.

В течение дня Роджера отвлекала работа, подавляя растущие потребности тела. Но ночью... Брианна стояла перед ним, слишком настоящая.

Он не колебался. Едва поняв, что произошло, он решил последовать за ней. Правда, порой он не был уверен, спасет ее или станет объектом жестокого отказа. Хуже всего не одиночество, подумал Роджер, вновь ощутив тревогу; хуже всего сомнения. Сомнения в собственных чувствах и в чувствах Брианны.

Впервые он понял, что она имела в виду, приняв решение ему отказать. Однако мудрость это или просто страх? Если бы ей не удалось пройти через камни, она бы вернулась к нему? Или отправилась искать что-то другое?

Отчаянный шаг – швырнуть сердце через океан, чтобы другой на том конце подхватил его. Сердце Роджера все еще летело сквозь пустоту, без всякой уверенности в том, что с другой стороны его подхватят. Но все же летело.

По ту сторону перегородки возобновились знакомые звуки: ритмичный скрип.

Звуки шли почти каждую ночь, когда остальные засыпали, и Роджер особенно остро чувствовал собственную неприка-

янность и ноющую боль от разлуки с Брианной. Сперва ему казалось, что не истинное человеческое тепло, не общности умов и сердец, а лишь животная тоска и потребность в утешении заставляла эти тела сливаться в темноте воедино. Хотя... существует ли что-то большее в принципе?

Но затем он услышал в тех звуках нечто еще, уловил слова нежности и стоны наслаждения, стал не просто созерцателем чужого счастья, но и в какой-то мере разделил их эмоции.

Конечно, это может быть любая из супружеских пар или случайные любовники, движимые похотью, однако Роджер вообразил, что это тот самый высокий светловолосый молодой человек и шатенка с открытым приятным лицом. Он видел, как они смотрят друг на друга на пристани, и продал бы душу, чтобы узнать наверняка, они ли это.

Глава 38

За тех, кто в море

Внезапно начавшийся мощный шторм не выпускал пассажиров из кают в течение трех дней, а матросы лишь на считанные минуты покидали свои посты, чтобы отдохнуть и немного поесть. Когда все закончилось – буря оставила «Глориану» в покое, и небо над ней рассеялось, – Роджер с трудом побрел к своей койке. Не было сил, чтобы снять с себя влажную одежду.

Мокрый, помятый, покрытый соленой коркой и мечтающий только о горячей ванне и недельном сне, он нехотя откликнулся на свисток боцмана после короткого четырехчасового отдыха и, пошатываясь, приступил к своим обязанностям.

К концу дня Роджер был измотан настолько, что мышцы дрожали, когда он помогал поднять бочку с пресной водой из трюма. Он отковырнул крышку с помощью топора, собираясь черпаком отлить немного воды. Однако не удержался, плеснул пригоршню себе на лицо в надежде охладиться и после залпом выпил целый ковш, игнорируя главное морское правило, содержащее в себе противоречие: в открытом море воды слишком много, и в то же время слишком мало.

Люди, выносящие из трюмов фляги и ведра, чтобы наполнить их пресной водой, выглядели ужасно: бледные, как по-

ганки, измученные тошнотой от морской болезни и запаха ночных горшков, все в синяках от нескончаемых ударов и тряски, во время которой их носило по трюму, словно бильярдные шары.

Вопреки всеобщей атмосфере слабости и недомогания, его старая знакомая беспечно танцевала, распевая:

– Семь селедок съест лосось,
Семь селедок съест лосось,
Кит лосося съест на блюде,
А кита съест чудо-юдо.

Девочка радовалась свободе и носилась туда-сюда, словно синичка. Глядя на нее, Роджер невольно улыбался, несмотря на усталость.

Она подбежала к перилам, встала на цыпочки и осторожно выглянула за борт.

– Как вы думаете, мистер Маккензи, это чудо-юдо морское устроило шторм? Дедушка сказал, оно бьет хвостом по воде, и получают большие волны!

– Я тоже так считаю. А где твои братья, *a leannan*?

– У них лихорадка, – спокойно ответила девочка. Половина пассажиров кашляли и чихали. Три дня в мокрой одежде и холодных каютах сделали свое дело. – Вы видели чудо-юдо? – спросила она, перегнувшись через перила и подставив ладонь к глазам. – Оно правда такое большое, что целиком корабль проглотит?

– Честно говоря, сам не видел. – Он бросил ковш и схватил девочку за талию, пытаясь оттащить от перил. – Полегче, ладно? Оно до того огромное, что легко проглотит такую крошку, как ты.

– Смотрите! – закричала она, пытаясь вырваться из его рук – Смотрите, это... это оно!

В ее голосе было столько ужаса, что Роджер невольно перегнулся через перила и увидел огромную черную тень, будто парившую у самой поверхности воды. Изящная и гладкая, тень с легкостью догнала корабль и пулей пролетела мимо.

– Акула, – сказал Роджер, прижимая девочку к себе. Он слегка встряхнул ее, чтобы та прекратила визжать, словно резаная. – Просто акула, слышишь? Разве ты не знаешь, кто такие акулы? Мы съели одну на прошлой неделе.

Девочка умолкла, по-прежнему бледная и дрожащая.

– Вы уверены? Это точно не чудо-юдо?

– Нет, – сказал Роджер как можно мягче, – всего лишь акула.

Таких больших акул ему еще видеть не доводилось. И все же акулы часто появлялись у корабля, привлекаемые выброшенными за борт помоями.

– Изабель! – послышался возмущенный крик. И собеседница Роджера была вынуждена покинуть его, чтобы отправиться на помощь своей матери. Ссутулившись и скривив губы, девочка взяла ведра и поплелась прочь.

Теперь Роджер был занят исключительно собственными

мыслями. Он совершенно забыл, что внизу, под ногами, нет ничего, кроме толщи воды. Хотя «Глориана» была крепким кораблем, шторм мог прихлопнуть ее, словно муху. А вместе с ней и всех, кто находился на борту.

Он терзался вопросом, удалось ли «Филиппу Алонсо» добраться до порта в целости и сохранности. Ведь столько судов потонуло! В подобной ситуации, когда от тебя ничего не зависит, надеяться остается только на молитву.

«Всех тех, кто в опасных глубинах, господи, помилуй».

Внезапно Роджер осознал, что имел в виду автор этих строк.

Кончив черпать воду, он бросил ковш в бочку и потянулся за дощатой крышкой, и тут какая-то женщина схватила его за руку. Она указала на мальчика, обхватившего руками ее шею.

– Мистер Маккензи, наш Гибби слепнет. Он слишком долго был в темноте, и глаза у него воспалились. Может, капитан потрет ему глаза своим кольцом?

Роджер, как и остальные члены экипажа, старался держаться подальше от Боннета, но отказывать женщине не было причин. Капитан уже применял чудодейственные свойства своего кольца – золото считалось прекрасным средством от воспаления глаз.

– Да, конечно, – сказал он, замешкавшись на мгновение, – идемте.

Удивленно моргнув, женщина последовала за ним.

Капитан был на посту и что-то увлеченно обсуждал со своим помощником. Роджер жестом попросил женщину немного подождать, она кивнула и остановилась позади него.

Как и все, капитан выглядел изможденным. Казалось, морщины на его лице стали намного глубже. «Устал, словно черт, что заправлял в аду целую неделю», – подумал Роджер и невольно усмехнулся.

– ...коробки с чаем? – спросил Боннет у помощника.

– Только две, да и те не совсем отсырели, – ответил Диксон. – Предлагаю избавиться от груза, пройдя вверх по реке в Кросс-Крик.

– Ладно, хотя в Идингтоне и в Нью-Берне за него дадут лучшую цену. Нужно продать все, прежде чем двинемся в Уилмингтон.

Выслушав просьбу, Боннет молча снял золотое кольцо, которое носил на мизинце, и аккуратно потер веки маленького Гилберта. Роджер увидел кольцо, очень похожее на обручальное; оно было явно мало капитану. Грозный Боннет хранит любовный талисман? Не исключено. Роджер легко мог поверить, что некоторые женщины сочли бы капитана привлекательным.

– Мальчик болен, – заметил Диксон, указав на красные пятна за ушами и на бледных щеках ребенка.

– Нет, это молочная лихорадка, – сказала женщина, прижав сына к груди. – Наверное, растет новый зуб.

Капитан равнодушно кивнул и отвернулся. Роджер прово-

дил женщину на камбуз, попросил там немного сухарей для Гибби, чтобы тот погрыз, когда станет резаться зуб, и отправил их к остальным пассажирам. Он ненадолго задумался о десне Гилберта, однако вскоре, когда он поднимался на палубу, его мысли уже были заняты услышанным разговором.

Выходит, прежде чем отправиться в Уилмингтон, предстоит остановка в Нью-Берне и в Идингтоне. Понятное дело, Боннет не будет торопиться, станет искать агента получше, чтобы получить хорошую цену за свой груз, плюс время, потраченное на сделку и оформление всех бумаг... Господи, они могут застрять там на несколько недель!

«Не пойдет», – подумал Роджер. Одному богу известно, где Брианна и что с ней произошло. Корабль продвигается быстро, несмотря на сильный шторм; с божьей помощью через восемь недель они доберутся до Северной Каролины, если ветер будет к ним благосклонен. Нельзя терять драгоценное время и бездельничать в портах, ожидая, когда капитан закончит торговлю.

Роджер решил, что покинет «Глориану» в первом же порту и отправится на юг своим ходом. Правда, он дал слово, что останется на корабле до полной разгрузки... Зато капитану не придется ему платить! Такой исход показался Роджеру достаточно честным и справедливым.

Хотя свежий воздух на палубе немного привел его в чувство, голова все же была тяжелой, будто набитой мокрой ватой. На посту оставалось стоять еще три часа. Роджер подо-

шел к бочке и набрал в ковш воды, надеясь освежиться.

Диксон обходил пассажиров, останавливаясь, чтобы приободрить мужчин, поговорить с женщинами и детьми. Странно, подумал Роджер, помощник никогда с командой-то не общался, не говоря уже о пассажирах, которых считал просто неудобной формой груза.

Что-то шевельнулось в его сознании при упоминании слова «груз». Что-то неприятное... Усталость не давала выудить воспоминание из глубин памяти. Но что же...

– Маккензи! – закричал один из матросов с кормовой палубы. Он звал Роджера, чтобы починить парус, истерзанный мощным ветром. Огромные куски холста лежали на палубе, словно грязные сугробы.

Роджер застонал и потянул ноющие мышцы. Независимо от того, что случится в Северной Каролине, он будет рад покинуть корабль.

Две ночи спустя Роджер крепко спал, когда его разбудили громкие крики. Ноги машинально понесли его на палубу. Он вскочил на лестницу и тут же получил крепкий удар в грудь.

– Оставайся на месте, идиот! – закричал Диксон, стоявший на несколько ступеней выше. Его силуэт четко вырисовывался на фоне звездного неба в открытом люке.

– Что случилось? Что происходит? – Мысли спросонья путались. С палубы доносился шум, топот ног и оглушительные вопли.

– Убийцы! – донесся истошный вопль женщины. – Подлые уби... – Крик резко оборвался, послышался громкий удар о палубу.

– В чем дело? – закричал Роджер, пытаясь подняться ближе к Диксону. – Что происходит?

Его слова заглушил шум: паровой гудок, крики женщин и детей, мужские проклятия.

Где-то наверху мерцал красноватый свет; казалось, судно было охвачено огнем. Роджер подобрался к Диксону и схватил его за ногу, но получил удар в голову.

– Оставайся на месте, ради бога! Ты что, хочешь оспу подхватить?!

– Какую оспу? Какого черта у вас там происходит? – Глаза привыкли к темноте, Роджер изловчился и резко дернул Диксона за ногу. Тот потерял равновесие и упал.

Не обращая внимания на гневные крики, Роджер поднялся на палубу. Недалеко от главного люка толпились люди, горели фонари и факелы, отражаясь в лезвиях ножей.

Он быстро осмотрелся, пытаясь разглядеть силуэт вражеского корабля, но океан был пуст. Никаких пиратов или налетчиков, однако на палубе шла битва; часть экипажа сгрудилась в кучу, вооруженная ножами и дубинками.

«Мятеж», – мелькнула мысль. В толпе людей выделялся капитан Боннет, его длинные белокурые волосы сияли в свете фонарей. Роджер бросился к нему, безжалостно расталкивая моряков, попадавших на пути.

В сумбурных воплях за бортом раздался сильный всплеск, затем другой.

– Что происходит? – прокричал Роджер на ухо боцману, ковырявшемуся у главного люка с фонарем в руках. Тот вздрогнул и пристально посмотрел на него округлившимися глазами.

– Ты не болел оспой? Тогда бегом в трюм! – сказал Хатчинсон и вновь склонился над люком.

– Болел!

Боцман покачнулся и подался назад.

– Болел? Но у тебя на лице оспин нет... Что ж, давай вниз, нам не мешают лишние руки!

– Зачем?

– Оспа! – взревел боцман.

Из открытого люка вылез один из матросов, держа под мышкой брыкающегося ребенка. Из люка к моряку потянулись женские руки, пытаясь схватить или ударить его; донесся пронзительный крик.

Лестница была устойчивой, но он взбирался, держась только одной рукой, и потерял равновесие. Матрос на мгновение выпустил ребенка из рук, пытаясь за что-нибудь ухватиться, а Роджер рефлекторно бросился вперед и подхватил малыша, словно мяч для регби. Вцепившись друг в друга, моряк и женщина рухнули вниз. Раздался грохот, и на несколько мгновений шум внизу прекратился, однако затем крики возобновились с новой силой.

Роджер взял ребенка крепче, пытаясь успокоить его неумелыми поглаживаниями. От малыша шел сильный жар. В тот же миг Роджера ослепил яркий свет, — боцман поднял высоко над головой фонарь.

— Надеюсь, ты действительно перенес оспу, Маккензи, — сказал он.

Это был Гилберт — мальчик с воспаленными глазами. За два дня он изменился до неузнаваемости. Он похудел, лицо осыпали гнойные воспаления, веки распухли так, что глаза превратились в две маленькие щели.

Не успел Роджер спохватиться, как кто-то вырвал ребенка у него из рук, и в это же мгновение за бортом раздался еще один всплеск. Он инстинктивно бросился к перилам, предприняв тщетную попытку поймать малыша. Женщина сзади истошно закричала.

Пассажиры оправились от неожиданного нападения, мужчины выбрались на палубу, вооружившись всем, что попало под руку.

Кто-то налетел на Роджера, и он упал, откатившись в сторону, а потом поднялся на колени, и на него обрушился шквал сокрушительных ударов. Поймав нужный момент, он быстро вскочил и стал драться, не понимая, борется он с командой или с пассажирами, преследуя лишь одну цель — не быть затоптанным насмерть.

Вонь, шедшая из трюма, резала глаза смесью запахов сладковатой гнили и сточных вод. Фонари раскачивал ветер, свет

мелькал, рассмотреть что-то было невозможно. То во тьме покажется и тут же исчезнет чья-то нога, то изуродованное гримасой лицо мелькнет в луче фонаря... Создавалось впечатление, что палуба наводнена расчлененными телами.

Роджер был совершенно дезориентирован. Левая рука отнялась, и он не удивился бы, обнаружив, что потерял ее в бою. Однако отражая очередной удар, он рефлекторно закрылся онемевшей конечностью и услышал хруст костей. Рука была на месте.

Кто-то схватил его за волосы и резко дернул. Пошатнувшись под натиском, Роджер сумел схватить нападавшего, они повалились вниз и, катаясь по палубе, вслепую наносили друг другу удары. Вокруг кричали, но слов было не разобрать.

Несколько членов экипажа во главе с боцманом вмешались и с трудом растащили дерущихся. В свете фонаря, озарившего лицо противника, Роджер узнал высокого светловолосого пассажира, чьи зеленые глаза сверкали от ярости. Им оказался муж Мораг Маккензи. Матросы схватили его и бесцеремонно поволокли к люку.

Роджеру помогли подняться.

Соппротивление было непродолжительным. Хотя взбунтовавшиеся пассажиры были полны ярости и отваги, они здорово ослабли в путешествии. Несколько недель, проведенных в темном холодном трюме, отсутствие нормальной пищи и постоянные болезни истощили их силы. Вскоре моря-

кам удалось погасить волнения.

Роджер взглянул за борт: на черной океанской глади безмятежно отражалась луна. Внезапно он почувствовал приступ тошноты, подступившей к горлу, и его вырвало желчью.

Истощенный и дрожащий от напряжения, он медленно побрел по палубе. Моряки молча заколачивали люк; снизу доносился протяжный, почти звериный вой.

Роджер с трудом спустился в каюту экипажа, дошел до своей койки и сунул голову под одеяло, пытаясь укрыться от всего происходящего. Но он не нашел покоя под шерстяными складками одеяла. Сердце колотилось так часто, что он начал глотать воздух большими глотками, еще и еще, пока не закружилась голова. Как будто он дышал за тех, кто уже не мог.

– Так лучше, парень, – сказал Хатчинсон Роджеру, когда того рвало через поручни. – Оспа распространяется как огонь, и вряд ли кто из пассажиров сошел бы на землю, не избавься мы от заразы.

Да, это лучше, чем смерть большинства пассажиров, – только не для тех, кто оказался за бортом. Вой не смолкал ни на мгновение и проникал сквозь древесину в самое сердце.

Перед глазами вспыхивали и исчезали разные кадры: искаженное лицо матроса, падающего в трюм, лицо малыша, пораженное оспой, голова Боннета, возвышающаяся над толпой дерущихся, и черные спокойные воды океана в свете луны.

Что-то мягко ударило и заскользило вдоль борта корабля, но Роджер не обратил на это внимание. Сквозь сон донеслось:

– Акулы никогда не спят.

– О, боже, – прошептал он, – о, боже.

Он хотел помолиться о душах погибших – и не мог подобрать слов.

Роджер без конца ворочался, пытаясь отогнать дурные мысли, однако в голове звучали слова, которые услышал от светловолосого парня во время их безумной драки. «Ради всего святого! Ради всего святого, отпустите ее!»

– О, боже, – повторил Роджер, и на этот раз он молился.

На следующий день в середине вахты Роджер решил заглянуть в грузовой трюм. Наблюдая за членами команды, он быстро усвоил одно правило: ничто так не привлекает внимание, как желание сделать что-то незаметно. Если бы его спросили, что он тут делает, он ответил бы, что услышал шум и решил проверить. Что, впрочем, было недалеко от правды.

Роджер не стал устанавливать лестницу, а повис на руках на краю люка и прыгнул. Если за ним последуют, он сразу поймет и укроется.

Он пробирался по узким проходам между бесконечными рядами ящиков. Воздух был наполнен запахом мокрого дерева со слабыми нотками ароматного чая. Отовсюду доносились шорохи и скрипы, хотя внешне никаких признаков

присутствия человека не было. Все же что-то подсказывало его, что здесь кто-то есть.

«Вдруг кто-то из зараженных пассажиров и в самом деле прячется? – думал он про себя. – Ты же ничем не сможешь помочь. Чего тебя сюда понесло, приятель?»

Ответ был прост: он не простил бы себе, если бы не попытался помочь нуждающимся. Возможно, быстрая смерть в океане была бы менее мучительной, чем продолжительная агония, но он верил в лучший исход.

Небольшая тень мелькнула в темном углу трюма. «Крыса», – подумал Роджер, отвернувшись. И вдруг мимо его головы пролетел какой-то предмет, с треском разбившийся о стену. Он прикрыл голову, ожидая очередного броска, и прыгнул в сторону противника, навалившись всем весом на чье-то хрупкое тело. В руке Роджер сжимал тощее запястье Мораг Маккензи.

– Какого черта? – вскрикнул он. – Что вы здесь делаете?

– Ничего. Прошу, отпустите меня, пожалуйста. – Она понимала, что бороться с ним бессмысленно, так как он превосходил ее в весе примерно вдвое, поэтому Мораг прибегла к мольбам. – Ради вашей собственной матери, сэр, пожалуйста, не убивайте его.

– Я не собираюсь никого убивать, – ответил Роджер, – тише!

Он встряхнул женщину, чтобы привести в чувство.

Из темного угла возле якорной цепи раздался детский

плач.

– Его услышат! Ради всего святого, пустите меня к нему!

Голос Мораг звучал настолько умоляюще, что он молча отпустил ее. Женщина бросилась на звук, карабкаясь через ржавые звенья огромной цепи. Он медленно последовал за ней, понимая, что бежать ей некуда. И нашел их в самом темном углу, между неотесанными бревнами и громоздкой цепью, – неразличимые тени в темном закоулке.

– Я не причиню вам вреда, – сказал он мягко.

Постепенно глаза стали привыкать к темноте, и Роджер увидел белую грудь, которой Мораг кормила ребенка.

– Что вы тут делаете? – спросил он, хотя ответ был очевиден.

– Прячусь.

– Ребенок болен?

– Нет! – Она склонилась над малышом.

– Тогда почему...

– Обычная сыпь. Такое часто бывает.

– Вы уверены? – спросил Роджер как можно мягче и потянулся к ее ребенку.

Свободной рукой Мораг ударила его. Он отдернул руку, зашипев от боли.

– Что вы творите?

– Назад! У меня нож! Я не позволю его забрать, я убью вас, клянусь!

Поднеся руку ко рту, Роджер почувствовал сладковатый

вкус крови. Это была всего лишь небольшая царапина, но он знал: женщина убьет любого или погибнет сама, если кто-то из членов экипажа ее найдет.

Впрочем, Боннет убивать бы не стал, ведь по прибытии за нее можно выручить круглую сумму. А вот вытащить ее на палубу, вырвать из рук ребенка и бросить его за борт он мог. Роджер содрогнулся, вспомнив мрачные быстрые тени под водой, которые уже давно преследовали их судно.

– Я не трону его. Но если это оспа...

– Нет, клянусь! – Мораг схватила его за рукав. – Говорю же, это молочная сыпь, я видела такое сотни раз и легко могу отличить молочную сыпь от оспы.

Роджер немного замешкался, но все же принял решение: если она ошибается и ребенок болен, то, вероятнее всего, она тоже заражена, и попытка вернуть ее в пассажирский отсек приведет к эпидемии. Но если она права, и это всего лишь сыпь, никто не станет разбираться и полагаться на удачу, – ребенка отнимут.

– Я не выдам вас, – сказал он. – Вам понадобится провизия и пресная вода, иначе пропадет молоко, а без него ребенок погибнет.

Мораг дышала громко и хрипло. Оставалось надеяться, что это лишь простуда, вызванная пребыванием в холодном сыром трюме.

– Покажите мне ребенка.

– Нет! – Ее глаза яростно сверкнули, как у загнанной в

угол крысы, а приподнятая верхняя губа оголила белые зубы в страшном оскале.

– Клянусь, я не отниму его, просто осматрю.

– Чем вы клянетесь?

Он выпалил первое, что пришло на ум:

– Жизнью своей любимой и своих будущих детей!

Мораг еще сомневалась, однако немного расслабилась.

Откуда-то донесся негромкий шорох – крысы.

– Я не могу сходить за едой, – эти твари уже покусали меня, пока я спала, а его они сожрут живьем.

Он протянул руки к малышу, внимательно прислушиваясь к звукам с палубы. Как скоро члены экипажа спохватятся, что Роджера нет на посту?

Мораг все же оторвала ребенка от груди. Тот возмущенно закричал, но после недолгих укачиваний успокоился. Роджер принял мальчика на руки. Ему не часто доводилось нянчиться с младенцами, и его переполняли смешанные чувства: такой маленький и грязный комочек, такой живой и беззащитный.

– Придерживайте ему головку.

– Хорошо. – Взяв одной рукой малыша под голову, Роджер сделал пару шагов назад, поднося ребенка под тусклый луч света.

Лицо ребенка было покрыто красными пятнами. Переборов неприязнь, Роджер развернул пеленки. Глаза малыша были ясными, а ручки и ножки двигались вполне естествен-

но, не напоминая судорожные спазмы умирающего.

После вчерашней ночи Роджер кое-что представлял об оспе и теперь, осмотрев ребенка, успокоился.

– Хорошо, – прошептал он, – я думаю, вы правы.

Мораг расслабила руку, сжимавшую рукоять ножа. Осторожно вернув ей ребенка, Роджер почувствовал внезапно нахлынувшую ответственность.

– Мой маленький Джимми, тише, все хорошо, мама рядом, – шептала Мораг.

– Сколько продержится сыпь, если это молочная лихорадка?

– Дня два или три. Сыпь не исчезнет полностью, но станет значительно меньше, всем будет очевидно, что это не оспа, и мы вернемся.

Два дня. Если ребенок болен, он либо погибнет, либо справится с болезнью. И она тоже.

– Вы сможете прятаться здесь так долго? Ведь крысы...

– Смогу, – решительно ответила Мораг. – Я сделаю все, что в моих силах. Вы нам поможете?

– Да, я не оставляю вас.

Роджер поднялся и протянул ей руку. Поколебавшись, Мораг взяла его за руку и тоже встала. Ростом она едва доставала ему до плеча и по сравнению с ним казалась ребенком. В темноте трюма можно было подумать: вот девочка качает куклу...

– Сколько вам лет? – неожиданно спросил он.

– Вчера было двадцать два, а сегодня, пожалуй, не меньше сорока.

Маленькая рука выскользнула из его ладони, и Мораг исчезла в темноте.

Глава 39

Азартный игрок

Ночью спустился туман. К рассвету корабль двигался в таком густом и плотном облаке, что за поручнями не видно было воды. Только плеск волн подтверждал, что «Глориана» плывет по морю, а не по воздуху.

Сквозь плену тумана солнце не пробивалось. К тому же ветер утих, и паруса безжизненно повисли. Подавленные моряки бродили по палубе, словно призраки, чуть ли не сталкиваясь друг с другом.

Полумрак сыграл на руку Роджеру – ему удалось пройти по кораблю незамеченным и украдкой спуститься в трюм. За пазухой он нес немного еды, которую сберег с ужина.

Туман спустился в трюм. Белые клубы вились у лица и у ног, пока Роджер пробирался между бочек с водой. Здесь было совсем темно; оттенки сумрака менялись от бледно-серого до темно-коричневого.

Ребенок спал. Роджер видел только кусок щеки, на которой по-прежнему держалась сыпь. Пятна воспалились. Мораг заметила сомнение в его взгляде, но ничего не сказала, просто взяла руку Роджера и положила на шею ребенку.

Слабый пульс размеренно бился под его пальцами, кожа была горячее, но влажной. Успокоившись, Роджер улыбнулся Мораг, и та слабо улыбнулась в ответ.

За месяц, проведенный в трюме, она исхудала и перепачкалась, а в последние два дня с ее лица не сходило испуганное, забитое выражение. В невымытых волосах, свисающих вдоль лица, копошились вши, под глазами залегли круги, от нее пахло мочой и калом, прокисшим молоком и застарелым потом.

Плотно сжатые губы были бледными, как и само лицо. Роджер нежно взял ее за плечи, наклонился и поцеловал.

На верхних ступеньках лестницы он оглянулся. Она все еще смотрела ему вслед, держа на руках сына.

На палубе было тихо. Мирно журчала беседа невидимых рулевого и боцмана. Роджер опустил крышку люка на место, и биение сердце стало замедляться. Прикосновение к Мораг еще согревало руки. Два дня. Может быть, три. Возможно, получится, Роджер, по крайней мере, был уверен, что Мораг права, у ребенка не оспа.

Матросам ни к чему спускаться в трюм, несколько бочек с пресной водой достали буквально накануне. Надо только накормить ее попозже, как только представится случай, если, конечно, она не уснет...

Резкий удар судового колокола раздался в тумане, как напоминание о времени, которого, казалось, больше не существовало; в вечном полумраке оно словно замерло.

Роджер шел к корме, когда рядом раздался громкий скрежет. В следующее мгновение корабль задрожал под ногами, словно в него врезалось что-то огромное.

– Киты! – раздался крик.

Силуэты двух матросов, стоявших у грот-мачты, замерли, и Роджер понял, что тоже врос в палубу, словно вкопанный, напряженно прислушиваясь. Сперва заскрежетало где-то рядом, затем чуть подальше. Моряки оцепенели. Каждый тяжело дышал, представляя, как корабль плывет бок о бок с огромными животными.

«Интересно, они большие? – подумал Роджер. – Пробить доски могут?» Он напрягал зрение, тщетно пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в тумане.

От глухого удара поручни, за которые он держался, содрогнулись, тут же последовало еще несколько толчков в борт. Снизу донеслись приглушенные крики: преградой между пассажирами в трюме и толщей воды служили лишь доски корабельного корпуса толщиной в несколько дюймов, сотрясающиеся от ударов могучих тел. Трехдюймовые дубовые доски – препятствие не серьезнее папиросной бумаги для огромных животных, что плавали рядом.

– Рачки, – произнес позади голос с певучим ирландским акцентом.

Роджер подпрыгнул от неожиданности. Тут же раздался низкий смешок, и из тумана возник капитан Боннет. В зубах он зажал сигару, красный огонек которой, то вспыхивая, то тлея, освещал его лицо. Корабль содрогнулся от следующего удара.

– Киты чешутся о доски, чтобы избавиться от паразитов,

прилипших к шкуре, — небрежно сказал Боннет. — Мы для них не больше, чем плавающий камень. — Он затянулся, выпустил дым и бросил тлеющий окурок за борт. Тот исчез в тумане, как падающая звезда.

Роджер невольно громко выдохнул. А капитан не заметил, как Роджер выбирался из трюма?

— Борт не пробьют? — спросил он, пытаясь подражать небрежному тону капитана.

Боннет прикурил еще одну сигару и помолчал. Его присутствие выдавал только тлеющий огонек на кончике.

— Как знать? Любая из морских тварей может потопить нас, коль разозлится. Однажды я видел останки корабля — разъяренный кит разнес его в щепки. Борт выступал на три фута, а вокруг плавали обломки. Затонул со всем экипажем, двести душ разом.

— И вы не тревожитесь?

Боннет выпустил очередную порцию дыма.

— Чего переживать понапрасну? Мудрый человек полагается на волю богов и молится, чтобы Дана осталась с ним. — Капитан повернулся к нему. — Вы знаете Дану, Маккензи?

— Дану? — растерянно переспросил Роджер, и тут в памяти забрезжил слабый свет: в детстве миссис Грэхэм напевала ему какую-то песенку: «Дана, Дана, приходи, мне удачу принеси, милость ниспошли богов, и богатство, и любовь».

Боннет весело хмыкнул.

— А ведь вы даже не ирландец. Хотя я сразу распознал в

вас человека ученого, Маккензи.

– Я знаю Дану, которая приносит удачу, – сказал Роджер, надеясь, что именно эта кельтская богиня окажется сведуща в мореплавании и станет на его сторону. Он шагнул назад, намереваясь уйти, но цепкая рука схватила его за запястье.

– Человек ученый, – тихо повторил Боннет, все веселье испарилось из его голоса, – но далеко не мудрый. Вы вообще молитесь, Маккензи?

Роджер напрягся, почувяв, что предстоит сражение.

– Да, мудрый человек не тревожится о том, что не в его власти. Однако на этом корабле, Маккензи, все в моей власти. – Захват на запястье стал крепче.

Роджер выдернул руку из захвата. Он стоял напротив капитана, зная, что никто не придет на помощь и бежать ему некуда.

– Чего ради? – равнодушно спросил Боннет. – Девчонка не красавица. Впрочем, ученый муж тоже. Вы рисковали моим кораблем и моим делом ради близости теплого тела?

– Никакого риска, – просипел Роджер. Подойди, подумал он, и руки его сжались в кулаки. Подойди поближе, я захвачу тебя с собой. – У ребенка не оспа, обычная сыпь.

– Простите великодушно, что ставлю свое невежественное мнение выше вашего, мистер Маккензи, но капитан здесь я, – ядовито произнес Боннет.

– Ради бога, это ребенок!

– Вот именно! И ценности не представляет.

– Для вас?

Воцарилось молчание, нарушаемое только скрежетом в белом тумане.

– А для вас что за ценность? – спросил безжалостный голос. – Зачем?

Ради теплого тела. Да, ради него. Ради прикосновений и нежных воспоминаний, ради ощущения жизни, не сдающейся перед лицом смерти.

– Из жалости. Она беззащитна, и кроме меня ей помочь некому.

Боннет чуть отступил, и Роджер подобрался, готовясь отразить нападение. Однако капитан лишь пошарил по карманам, извлекая из них кучу мелкого хлама. Среди прочей мелочовки отыскался серебряный шиллинг.

– Маккензи, а вы человек азартный?

Он бросил ему шиллинг. Роджер машинально поймал монету.

– Давайте заключим пари, – ухмыльнулся капитан. – Выпадет орел – он будет жить, решка – умрет.

Монета в ладони была теплой и твердой. Руки стали влажными от пота, но ум работал четко, холодный и острый, словно нож для колки льда. Он посмотрел на капитана, просчитывая, как внезапно напасть на него и выкинуть за борт – в царство китов и акул, а рука, будто сама, подбросила монету вверх. Вращаясь, она ударилась о палубу. Мышцы сковало от напряжения.

– Похоже, сегодня Дана на вашей стороне, сэр, – донесся мягкий ирландский говор Боннета, наклонившегося над монетой.

Роджер выдохнул, чувствуя, как камень свалился с плеч, и вдруг капитан разогнулся и схватил его за плечо.

– Прогуляйтесь со мной, Маккензи.

Роджер чувствовал дрожь в коленях, однако тело послушно передвигалось, ступая след в след за силуэтом Боннета. На корабле стояла гробовая тишина. Прошло немало времени, прежде чем Роджер осознал, что капитан продолжает говорить, повествуя о своей жизни.

Боннет был родом из Слайго. Он рано осиротел и быстро научился заботиться о себе самостоятельно. Сперва устроился юнгой на корабль, чтобы прокормиться, но жалованье было столь скудным, что он подыскал себе работу на берегу в Инвернесе – рыл котлован под фундамент дома, строящегося недалеко от города.

– Мне едва исполнилось семнадцать, – говорил капитан, – я был самым молодым из рабочих. Не знаю, почему они меня невзлюбили. Возможно, за мою ершистость, может, завидовали молодости и силе, а может, просто считали меня чужаком. Так или иначе, вскоре котлован вырыли и начали возводить стены.

Боннет прикурил очередную сигару и выпустил клуб густого дыма, нависшего над головой.

– Вскоре котлован вырыли, – повторил он с сигарой в зу-

бах. — Когда я отправился в свою времянку, меня остановили двое парней, с которыми я работал. У них была бутылка виски, и они предложили с ними выпить. Мне следовало насторожиться, ведь они были подозрительно дружелюбны, раньше подобного за ними не замечалось. Тем не менее я согласился. Я выпил, потом выпил еще и еще; в конце концов, я сильно захмелел, потому что прежде пил лишь пиво. На улице стемнело; и тут эти двое схватили меня за руки и швырнули в грязный сырой подвал недостроенного дома.

Там собрались все рабочие. У кого-то был фонарь, и среди прочих я увидел Безумного Джоуи. Безумный Джоуи был бездомным, жил под мостом, питался гнилой рыбой и разными помоями. У него не было зубов, а вонял он так, что резало глаза.

Пьяный в стельку, я не мог понять ничего, что говорили эти люди. Они спорили, иногда ругались, периодически раздавался злобный смех. Потом кто-то из них сказал, что можно будет не выплачивать мне зарплату за прошлую неделю. Очевидно, меня решили убить.

Я и прежде слышал легенду: строители приносят жертву земле, пуская кровь под фундамент, чтобы стены стояли крепче, — но я пропускал подобные разговоры мимо ушей. Думал, это безобидная традиция, когда жертвой становится домашняя живность не крупнее петуха.

Во время рассказа капитан вглядывался в туман, словно в пелене перед ним снова прокручивали кадр за кадром те

давние события.

– Они все болтали, – продолжил Боннет, – а громче всех шумел нищий, он хотел выпить еще. Затем заводила сказал, что пришла пора сделать выбор. Он спросил у меня: орел или решка?

Я был слишком слаб, чтобы произнести хоть слово. Небо надо мной кружилось, из глаз сыпались искры. Тогда заводила пояснил, что если выпадет орел – я останусь в живых, а выпадет решка – погибну. И подбросил в воздух серебряный шиллинг. Монета упала прямо возле моей головы, но у меня не было сил повернуться и посмотреть, как решилась судьба. Заводила наклонился, поднял шиллинг и сделал вид, будто меня здесь нет.

Они не спеша дошли до кормы.

– Безумца усадили у стены, – тихо сказал капитан. – Я помню его глупое лицо. Он сделал несколько глотков виски и засмеялся, не понимая, что происходит. Его рот был открыт, влажный и вялый, словно влагилице старой портовой шлюхи. В этот миг сверху упал огромный камень и раскроил ему череп.

У Роджера на спине выступили капли холодного пота.

– Меня перевернули вниз лицом и вырубил, – продолжил Боннет как ни в чем не бывало. – Очнулся я на дне рыбацкой лодки. Рыбак высадил меня на берегу, недалеко от Питерхеда, и посоветовал найти другой корабль, – наблюдая за мной, он решил, что я рожден для мореходства.

Боннет мягким движением сбил пепел с сигары.

– Оказалось, ребята все-таки выдали мне зарплату. Я пошарил по карманам и нащупал тот самый шиллинг. Несомненно, они были честными людьми.

Роджер взялся за поручень, ища в нем хоть какую-то твердую опору в тумане.

– А потом вы вернулись? – спросил он неестественно спокойным тоном.

– Вы имеете в виду, нашел ли я их? – уточнил капитан. – О, да. По одному. Всех нашел.

Он раскрыл ладонь, в которой сверкнул серебряный шиллинг.

– Орел – останетесь в живых, решка – умрете. Справедливо, Маккензи?

– Для них?

– Для вас.

Мягкий ирландский голос звучал совершенно непринужденно, будто речь шла о погоде.

Словно во сне, Роджер почувствовал, насколько тяжелым оказался шиллинг, который лег в его ладонь. Он отчетливо слышал плеск воды за бортом, потрескивание табака, когда Боннет затягивался своей сигарой... «А кита съест чудо-юдо».

– Справедливо? – повторил капитан. – Посмотрим, Маккензи, придет ли Дана к тебе и на этот раз, или же за тобой явится Пожиратель душ...

Над палубой сгустился туман. Не было видно ни зги, кроме уголька тлеющей сигары Боннета, напоминающего горящий глаз циклопа. Человек порой походит на демона, закрывшего один глаз для людских страданий и открывшего второй для тьмы. И тут Роджер понял, что стоит буквально между бесом и бездонным темным морем, а его судьба сверкает серебром в дрожащей ладони.

– Это моя жизнь, я сам сделаю выбор, – сказал он, удивившись, насколько спокойно и ровно звучит его голос. – Орел – буду жить.

Роджер подбросил монету, поймал ее в воздухе и опустил на тыльную сторону второй ладони.

Закрыв глаза, он думал лишь о Брианне. Прости меня. Горячая дрожь пробежала по телу. Он стоял, не в силах открыть глаза.

Прошло много времени, прежде чем Роджер понял, что стоит на палубе один.

Часть девятая

Passionnément⁴

Глава 40

Девственная жертва

**Уилмингтон, колония Северная
Каролина, 1 сентября 1769 года**

С Лиззи случился третий приступ неизвестной болезни. Она едва оправилась от первого и спустя день, отведенный на восстановление сил, настояла, что может ехать дальше. Не прошло и дня езды, как лихорадка одолела ее вновь.

Брианна привязала лошадей и наспех разбила лагерь у небольшого ручья, а затем всю ночь бегала туда-сюда, карабкаясь вверх и вниз по грязному берегу: носила воду в маленькой плошке, чтобы напоить Лиззи и обтереть ей тело. Она не боялась темного леса или диких зверей, но мысли о том, что девчушка умирает в диких местах вдали от помощи, было достаточно, чтобы принять решение отправиться

⁴ Passionnément (*фр.*) – страстно, пылко.

назад в Чарльстон, как только Лиззи сможет ехать верхом.

К утру, однако, лихорадка отступила, и, хотя Лиззи была слаба и бледна, она могла усидеть на лошади. Брианна все же решила не поворачивать назад, а поскорее пуститься в путь, чтобы добраться до Уилмингтона. Она спешила изо всех сил, нужно было скорей отыскать Клэр – ради Лиззи и ради самой Брианны.

В детстве Брианна стеснялась своего роста и на школьных фотографиях норовила спрятаться в заднем ряду, но теперь, когда стала старше, ощутила преимущества высокого роста и силы. И чем дольше она находилась в этих диких местах, тем сильнее ценила то, чем располагала.

Держась одной рукой за спинку кровати, Брианна вытащила судно из-под белых ягодиц Лиззи. Девчушка пребывала в забытьи, стонала и тряслась. Хотя лихорадка немного отступила, Лиззи стискивала зубы с такой силой, что под кожей выступали заострившиеся скулы.

Малярия, в десятый раз подумала Брианна. Скорее всего, малярия, раз приступы повторяются. На шее Лиззи виднелись розовые пятна от москитных укусов; насекомые преследовали их с тех пор, как с борта «Филипп Алонсо» показалась суша. Они причалили слишком далеко на юге и впустую потратили три недели в мелких прибрежных водах недалеко от Чарльстона, где их нещадно грызли кровососущие.

– Сейчас, сейчас... Тебе лучше?

Девчушка кивнула и попыталась улыбнуться, напоминая

белую мышь, заглатившую отравленную приманку.

— Вода, мед. Попробуй немного, один глоточек. — Брианна поднесла чашку ко рту Лиззи, уговаривая ту, словно маленькую. Она ощутила странный эффект дежавю: ее голос звучал так же, как у матери. Осознание принесло странное утешение, будто мама и вправду стояла позади и говорила устами Брианны.

И все же, если бы говорила мать, она сразу дала бы Лиззи таблетку аспирина с апельсиновым вкусом. Лиззи рассосала бы аспирин, и боль и лихорадка отступили бы... Брианна бросила безрадостный взгляд на седельный мешок, что лежал в углу. Увы, никакого аспирина. Дженни дала с собой пучок трав, но от чая из ромашки и мяты Лиззи только стошнило.

Малярию лечат хинином. Однако Брианна понятия не имела, есть ли в этом времени что-то подобное, где его взять и как ввести. Лишь надежда найти медицинскую помощь поддерживала ее при второй попытке добраться до города. Опасаясь, что им снова придется остановиться в дороге, Брианна посадила Лиззи перед собой, и они поехали вместе, а лошадь Лиззи шла рядом. Девчушка то горела от жара, то сотрясалась в ознобе. Обе выбились из сил, пока добрались до Уилмингтона.

Хозяйка постоялого двора бросила взгляд на Лиззи и сразу же послала за аптекарем. Хотя мать рассказывала о развитии медицины в то время и об уровне целителей, Бриан-

на почувствовала волну облегчения при виде пришедшего. Аптекарь был прилично одет и относительно молод, с приятным лицом и вроде бы с чистыми руками. Не важно, что он знал о медицине и лихорадке едва ли больше, чем она сама; важно, что Брианна чувствовала – она теперь не одна.

Скромность побудила ее выйти из комнаты, когда аптекарь извлек льняную простыню, чтобы обследовать пациентку. Она ждала снаружи, пока не услышала слабый крик о помощи. Брианна распахнула дверь и увидела аптекаря с ланцетом в руке и бледную, как мел, Лиззи. Из разреза на локтевом сгибе сочилась кровь.

– Нужно пустить кровь, мисс! – Аптекарь умолял, пытаюсь заслонить собой пациентку. – Неужели вы не понимаете? Нужно пустить кровь! Иначе горячая желчь отравит органы и заполонит тело. Она будет страдать!

– Это вы сейчас пострадаете, если не уйдете, – процедила Брианна сквозь стиснутые зубы. – Убирайтесь сию минуту!

Медицинское рвение уступило инстинкту самосохранения, молодой человек собрал инструменты и ушел, в меру сил пытаясь сохранить достоинство. Он спустился по лестнице и некоторое время стоял внизу, выкрикивая страшные угрозы с безопасного расстояния.

Его предупреждения еще эхом звучали в ушах, когда Брианна сошла вниз, чтобы наполнить водой таз из чана на кухне. Многие слова аптекаря вызывали лишь смех, например, невежественные разглагольствования о желчи и плохой кро-

ви, но от некоторых отмахнуться было не так-то просто.

– Если не внемлете разумному совету, ваша служанка умрет! – возмущенно голосил он из темноты лестничной клетки. – Вы не знаете, как за ней ухаживать!

И правда. Она даже не знала наверняка, чем заболела Лиззи. Аптекарь назвал это «лихорадкой», хозяйка говорила о «приспособлении». То, что Лиззи второй раз свалилась от одной и той же болезни, вполне естественно, организм вновь прибывших не привык справляться с новыми микробами. По замечаниям, которые вставляла хозяйка, стало ясно, что процесс «приспособления» Лиззи может не пережить.

Миска в руках дрогнула, и горячая вода обожгла запястья. Вода, вот и все, что у нее есть. Как знать, чистый или нет колодец на заднем дворе таверны, лучше брать кипящую воду из чана и остужать, даже если это займет больше времени. Ватным тампоном Брианна смочила сухие, потрескавшиеся губы Лиззи, затем откинула одеяло, обтерла Лиззи лицо и шею и смочила льняную рубашку, под которой обозначились крошечные темно-розовые точки сосков.

Лиззи слегка улыбнулась из-под опущенных век и уснула, обмякнув, как тряпичная кукла.

Брианна чувствовала себя опустошенной. Она подтянула к окну стул и рухнула на него, выглянув наружу в напрасной попытке сделать глоток свежего воздуха. Плотный липкий воздух накрывал Чарльстон, словно одеяло; неудивительно, что бедную Лиззи придавило его тяжестью.

Брианна машинально поскребла ногу – москиты любили ее далеко не так страстно, как Лиззи, однако все равно порядком искушали. Для Брианны малярия не представляла опасности – перед тем, как отправиться в опасное путешествие, она сделала прививку от малярии, тифа, холеры и прочих мыслимых инфекций. Но против таких болезней, как лихорадка денге, и дюжины других заболеваний, которые таились в тягучем влажном воздухе, не существовало никакой вакцины.

Брианна закрыла глаза и положила голову на деревянный подоконник; струйки пота стекали по груди, теряясь в складках рубашки. Донесся неприятный запах. Сколько она уже носит эту одежду? Не важно. Она не спала почти двое суток и слишком устала, чтобы раздеться, не говоря уже о том, чтобы вымыться.

Надолго ли лихорадка оставила Лиззи? Если болезнь вернется, девушка погибнет. Она уже сбросила весь вес, накопленный за время морского путешествия, и светлая кожа приобрела желтоватый оттенок, заметный при солнечном свете. В Уилмингтоне помощи не найти...

Брианна потянулась, чувствуя, как захрустели суставы. Устала она или нет, есть только один способ спасти Лиззи. Надо отыскать мать, и как можно скорее.

Она продаст лошадей, найдет лодку, и они поднимутся вверх по реке. Даже если лихорадка вернется, на лодке можно заботиться о Лиззи не хуже, чем в этой душной затхлой

комнатенке, а тем временем они будут двигаться к цели.

Брианна встала, плеснула на лицо немного воды, скрутила в узел волосы, пропитавшиеся потом за время пути, затем расстегнула мятые штаны и с наслаждением сняла их, продолжая в уме строить планы.

Конечно, на реке будет прохладнее. Продолжать путь верхом больше нет сил, бедра невыносимо болели после четырех дней в седле. Они поплывут в Кросс-Крик и найдут Йокасту Маккензи.

– Тетя, – пробормотала Брианна, потянувшись к масляной лампе. – Знаменитая тетя Йокаста.

Она представила себе любезную седую старушку, которая обрадуется ей так же, как семья, которая встретила ее в Лаллиброхе. Семья. До чего же хорошо иметь семью!.. Мысли о Роджере Брианна решительно прогнала, о нем будет время подумать, когда все закончится.

Облачко москитов зависло над лампой, на стене сидели мотыльки и мошки, набираясь сил после долгого дня. Брианна потушила лампу, пламя которой было лишь чуть прохладней, чем воздух в комнате, и в темноте стащила через голову рубашку.

Йокаста точно знала, где Джейми Фрейзер и ее мать, и могла помочь найти их. Мама знает, как помочь Лиззи, она обо всем позаботится.

Брианна расстелила на полу сложенное одеяло, улеглась на него, обнаженная, и уснула в один миг. Ей снились горы

и чистый белый снег.

К следующему вечеру дело пошло лучше. Чувствуя себя отдохнувшей после сна, Брианна умыла Лиззи и обтерла губкой, а затем заплатила хозяйке, чтобы та присмотрела за девочкой, пока Брианна, одетая в штаны и плащ, сходит по своим делам.

Продажа лошадей заняла большую часть дня – сперва мужчины выкатывали глаза и разевали рты, заметив, что перед ними женщина. Удалось разузнать о человеке по имени Вайорст, который в лодке перевозил пассажиров от Уилмингтона до Кросс-Крика. Брианна не нашла Вайорста заветно и решила, что не стоит ей до ночи болтаться в доках, выраженной в бриджи. Утром будет достаточно времени.

Она почувствовала страшное облегчение, увидев Лиззи внизу, когда на закате вернулась в гостиницу. Болтая с девочкой, хозяйка потихоньку скармливала ей кукурузный пудинг и куриное фрикасе.

– Тебе лучше! – радостно воскликнула Брианна.

Лиззи кивнула, просяяв, и проглотила кусочек пудинга.

– Лучше, – прощепетала она. – Снова чувствую себя в своей тарелке. Миссис Смутс великодушно позволила мне выстирать все наши вещи. О, как приятно снова чувствовать себя чистой! – горячо добавила Лиззи, положив руку на белый платок, который, очевидно, недавно выгладили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.